

Елена Медведева

ТАКАЯ ПРОСТАЯ СЛОЖНАЯ ЖИЗНЬ

Сборник рассказов

Елена Медведева

**Такая простая сложная
жизнь. Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Медведева Е.

Такая простая сложная жизнь. Сборник рассказов /
Е. Медведева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962152-8

От автора. Кто-то из великих людей сказал, что каждый человек за свою жизнь может написать хотя бы одну книгу — и это будет книга о его жизни. В этом сборнике — рассказы разных лет о событиях, прошедших через мою жизнь: детство и юность на таджикской земле, распад СССР и крах привычной жизни, трудное возвращение на землю предков, радости и горести семейной жизни, взросление детей и уже их молодость, их ошибки и свершения. Моим ровесникам, рожденным в СССР в 60-е, посвящается.

ISBN 978-5-44-962152-8

© Медведева Е.
© Издательские решения

Содержание

ВЕТКА	6
ПАЛЬЦЫ	8
МУЖЧИНА, КОТОРЫЙ НЕ СТАЛ МОИМ ЗЯТЕМ	13
ПЕТЕРБУРГ. ВОЗВРАЩЕНИЕ	17
СВОДНЫЕ ДЕТИ	20
ИСПОВЕДЬ БЕЗРАБОТНОГО	26
СВЕТ ЗВЕЗДЫ ТВОЕЙ	29
Корреспондент Лиля	29
«Твоя безмерна власть, музыка!»	30
Эти глаза напротив	31
Жена	33
Солнечный удар	34
Без него	35
Наваждение	36
Болезнь	38
В БОЛЬНИЦЕ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Такая простая сложная жизнь

Сборник рассказов

Елена Медведева

© Елена Медведева, 2019

ISBN 978-5-4496-2152-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЕТКА

Люблю выбраться из города в деревню. Только здесь ты наедине с тишиной и природой. ...Потрескивают полнца в печке-голландке, наполняя дом благодным теплом. Я сижу на диване, на коленях свернулся клубочком кот, я глажу его гладкую черную спинку – он урчит от удовольствия. В доме тишина, слышно только шипение дровишек, мурлыканье кота да лай деревенских собак за окном.

За окном – зимняя деревня. Кривую, в ухабинах, дорогу прикрыло снегом. Улица почти пустынна, на то, что дома обитаемы, указывает только дымок из труб, изредка пройдет прохожий, похрустывая снежком, да забрешут бдительные собаки.

Я смотрю на ветку вишневого дерева, упирающуюся в окно. Я смотрю на нее всегда, когда приезжаю. В городе – работа и бешеная суета, а здесь, в деревне, – созерцание и покой, раздумья. Можно, не вставая с дивана, наблюдать за сменой времен года по этой ветке.

Еще совсем недавно она была с листочками, позолоченными осенью. Ветер постепенно срывал листья, оголяя ветви. Когда он раскачивал дерево особенно сильно, веточка жалобно стучала в окно, как будто просила впустить ее в дом, в тепло.

Сейчас зима, и ветка отяжелела под грузом налипшего снега. Иногда на нее садится воробышек, прыгает по ней, как на качелях, стряхивая снежок. Ночью приударит мороз и закует веточку в хрустальный панцирь. Она замрет в безмолвии, в зимнем сне.

Весной ветка закапает-заплачет вдруг, обрызгает окно каплями-слезками, омоется сама, будет долго высыхать, стоять голенькая, беззащитная. Потом выглянет солнышко, обсушит деревце, обогреет – и веточка пробудится ото сна, набухнет жизнью-почками. Сначала я увижу зеленые листочки, а потом распустившуюся белым цветом ветку и кусочек синего неба. В такие дни хочется не лежать на диване в задумчивости, а бежать на улицу, вдыхать пронзительно чистый воздух, греться под ласковым майским солнышком. Все живое пробуждается – и человек тоже.

Чуть позже ветка выгнется под тяжестью вишневых плодов, на ней гроздьями созреет ягода – красная, бордовая. И я побегу, чтобы сорвать ее и съесть. Именно с этой ветки, хотя полно других деревьев рядом.

...Шли годы, но ветка неизменно заглядывала в окно, как безмолвный наблюдатель, бессловесный член семьи. Она видела, как росли мои дети, приезжая к деду на каникулы, как старел ее хозяин – мой отец, из крепкого и деятельного превращаясь в хворающего и беспомощного. Однажды в тусклый зимний день услышала она, как завывала хозяйская собака. Никогда ветка не слышала такого душераздирающего собачьего воя.

Заглядывая в окно, она видела, что хозяин лежит на кровати уже несколько дней и не встает, в печке не тлеют весело дровишки и дом остывает. Ветка качалась горестно и тревожно стучала в окно, словно хотела сказать: «Не спи, вставай, надо растопить печь, согреть дом, надо жить!» Хозяин как будто услышал ветку, встрепенулся на стук, поднялся с кряхтением, затопил печь, нагрел чайник, попил чаю. Но потом перестал реагировать на сигналы, которые посылала ему ветка, только все лежал.

Когда приехала дочь, жизнь в доме затеплилась. Но ненадолго. Хозяин умер, и дом опустел.

Ветке было очень холодно. Ее сковал небывалый мороз, одев в ледяные наручники, так что она не могла пошевелиться. Она видела грустную процессию похорон хозяина, пышные поминки. А потом жизнь в доме замерла. Дом заколотили. Ветка по-прежнему заглядывала в окно, но там были только темнота и тишина. Лишь воспоминания о прежней жизни, наполненной детскими голосами и заботой хозяина, согревали ее, помогая выжить в ту суровую зиму.

Пришла весна, дом купили новые хозяева – и он снова наполнился шумом детских голосов. Жизнь закипела, дом ожил. Новый хозяин ветку аккуратно подрезал, чтобы она не стучала в окно, не пробила ненароком хрупкое стекло.

ПАЛЬЦЫ

Я всегда обращаю внимание на руки человека. Кому-то важно лицо, кому-то – фигура, рост, а мне – руки. Я так устроена, что чувствую человека по его рукам – темперамент, характер. Так, я влюбилась в своего мужа, увидев его руки – тонкую кисть и длинные нервные пальцы. Руки пианиста или хирурга.

Как оказалось, музыкантом он не был, хирургом тоже, профессия самая прозаическая – токарь. Но его руки виртуозно владели станком, он мог выточить любую самую замысловатую деталь благодаря особой чувствительности пальцев, ведь он плохо видел, был почти слепой. Пальцы были его глазами, ими он ощупывал деталь, знал, куда вести станок. Он был художником станка.

Но еще тогда, в момент нашего первого знакомства, когда я любовалась красотой его рук, был момент, против чего мой внутренний голос бунтовал, – длинный ноготь мизинца левой руки. Эта деталь выбивалась из той картинки, которую я сложила в своем воображении, потому что в моем понимании мужчина не должен отращивать ногти и делать маникюр. Этот длинный ноготь всегда присутствовал в нашей жизни как символ несовпадения взглядов, мироощущения, был проявлением главной черты характера мужа – упрямства. Неуступчивость, нежелание услышать другого человека плюс тяга мужа к горячительным напиткам, переросшая в абсолютную зависимость, очень скоро сделали мою семейную жизнь лишенной хоть капли женского счастья.

Но все в этой жизни имеет какой-то смысл, предопределенность свыше. Наверное, я встретила этого человека для того, чтобы родить дочь. Именно такую. Потому что иначе у нее не было бы столь прекрасных рук. Как у отца. Тонкая кисть, длинные тонкие пальцы.

У меня же обычные руки – запястье тонкое, а вот ладонь довольно широкая, пальцы короткие. Зато от рождения тонкий музыкальный слух, я могу подобрать любую мелодию – на пианино или аккордеоне. И красивый голос – в маму, не зря у нас в роду были певчие в церковном хоре. Я могла бы стать музыкантом, но не стала, увы. Не хватило трудолюбия, упорства, я не ставила такой цели – растекалась река желаний.

Так вот в нашей дочери все это гармонично соединилось – мой слух, музыкальность предков и пальцы отца. Плюс в ней оказалось то, чего не было ни у меня, ни у мужа – упорство и целеустремленность.

Сыграл свою важную роль в жизни моей дочери еще один предмет – пианино.

Мои родители, будучи людьми небогатыми, не жалели средств на образование нас, дочерей, – всестороннее. Потому мне покупали все, что захочу – скрипку, пианино, аккордеон, но училась я из-под палки, быстро теряя интерес, когда нужно было прикладывать усилия. Потому музыкальную школу кое-как закончила, мелодии подбирать научилась – и на этом все. Инструмент, предназначенный для исполнения произведений великих композиторов, использовался мною только на семейных вечерах, чтобы подобрать простейший аккомпанемент к прекрасному голосу моей мамы или расположить к себе своих ровесников, наигрывая модную песенку и подпевая звонким, как ручеек, голосом.

Потом случилось великое переселение 90-х, когда из братской советской республики побежали кто куда евреи, немцы, русские. Особо выбирать не приходилось, ковровые дорожки нам никто не стелил, мы уехали в условия худшие, чем были, но безопасные, сохраняя жизнь и будущее своей семьи. Квартиру, мебель – все распродавали за бесценок. Но что-то тогда удержало меня от желания продать, отдать, оставить «Элегию», ведь пианино транспортировалось особенно трудно, да и могло попортиться в долгой дороге в пыльном контейнере, куда мы погрузили только самое необходимое. Но я посчитала, что эта вещь – необходимая! Я

не сомневалась в этом ни доли секунды, как ни отговаривал меня муж, мол, зачем везти лишние «дрова». Как и книги.

Потом пианино еще не раз путешествовало с нами по съемным квартирам, пока не обрело своего постоянного места – в городе на Волге, в маленькой, но своей квартире, став украшением, центром, гордостью самой большой комнаты – зала. Конечно, оно было безумно расстроено, что, впрочем, не мешало мне устраивать музыкальные вечера на каждый праздник, в семейные дни рождения, где мы с моей мамой, горячо любимой внуками бабушкой, обладавшей прекрасным, от природы поставленным голосом, по-прежнему пели романсы, Анну Герман, Есенина... Не тогда ли зародилась в моей дочке потребность жить в окружении звуков, музыки, но, скорее всего, еще раньше – с моих колыбельных, которые пела ей своим звонким, как ручеек, голосом.

Моя дочь села за инструмент в пять лет, взобравшись на стул, болтая ножками, прикоснулась своими тоненькими прозрачными пальчиками к клавишам... Волшебство рождения мелодии – это было потрясением для моей впечатлительной девочки. Желание извлекать эту гармонию звуков становилось все сильнее.

Поначалу я наблюдала этот интерес совершенно спокойно – все дети хотят побренчать на пианино, большом или маленьком, для всех это любопытно, забавно, но они остывают, когда приходит время серьезных занятий, понимания, что музыка – это труд. Я никогда бы не стала заставлять своих детей заниматься музыке насильно, из-под палки, как это делали мои родители, за что лично я им очень благодарна, потому как маленький человек еще не знает себя, не понимает, что ему в жизни пригодится. Даже поверхностное обучение в музыкальной школе принесло мне массу полезного – я освоила нотную грамоту, научилась владению инструментом хотя бы на любительском уровне, что всегда прибавляло мне популярности у окружающих, там воспитали во мне музыкальную культуру, вкус – уж отличать плохую музыку от хорошей я научилась.

Но мою маленькую дочку не нужно было заставлять – она обучалась игре на пианино с большим прилежанием. Сыграли немаловажную роль в этом преподаватели музыки, и это была огромная удача. Первая учительница – молодая красивая женщина, выпускница консерватории – просто любила мою дочку и любила музыку. Потом она внезапно уехала в поисках женского счастья и передала ученицу с рук на руки своей подруге – столь же молодой, начинающей свою преподавательскую деятельность. И вот эта учительница много внимания уделяла технике, проявив казавшуюся мне тогда чрезмерной требовательность. Она редко хвалила девочку, но часто ругала, указывая на ее слабые места, которые особенно проявятся позже. Во время учебы в колледже дочь уступала мальчикам в силе извлечения звука, техничности, беглости пальцев, но умела какими-то своими способами извлекать из инструмента Музыку, так что слушатель не был потрясен громогласным звучанием, но словно уплывал в мир образов, картин, чувств.

Дочь приходила с уроков расстроенная, чуть не плача, но передавшееся от отца упрямство сыграло положительную роль – она упорно долбила гаммы, этюды, развивая беглость пальцев. Не получалось, она злилась, но играла их снова и снова. Соседи, конечно, воевали – пенсионерка из квартиры под нами бегала к нам без конца, умоляя «не стучать по клавишам», потому что у нее мигрень. Сверху демонстративно громко включали популярных певцов. Сейчас соседка, так отравлявшая нам жизнь своей мнимой или настоящей мигренью, раскланивается со мной, каждый раз спрашивая, когда же приедет моя дочь: «Так хочется ее послушать, так прекрасно она играет».

Третья учительница была опытным преподавателем, взрастившим многих учеников, чей дальнейший жизненный путь был связан с музыкой или с чем-то другим, но непременно успешным. Что-то она в моей дочери разглядела и стала для нее больше, чем просто учитель. До сих пор она для нее – вторая мама. Она разбудила в моей девочке здоровое тщеславие, теперь нуд-

ные гаммы, надоевшие этюды, бесконечный тренаж пальцев имели конечную цель – конкурс, было к чему и куда стремиться.

И вот – первый городской конкурс юных пианистов. Моя девочка, как Золушка на первом балу – тоненькая, в красивом бальном платье, пушистые волосы стянуты в высокий хвост, светится от возбуждения и счастья. А я сижу, наклонив голову, в страшном напряжении – ошибется или нет, споткнется или нет. Помню, как катились по моим щекам слезы, просто бежали ручьем, от переполнявших меня чувств – восхищения музыкой и гордости, что это чудо творит моя дочь своими длинными хрупкими пальчиками.

Это была наша первая безоговорочная победа, за ней последовали другие конкурсы в других городах. Наступил момент, когда наша учительница, наша вторая мама, призналась мне, что уже не может дать моей дочке ничего и ей нужно учиться дальше – в Москве.

Столица ошеломила размахом, масштабами. Центральная музыкальная школа вызывала трепет и благоговение. Преподаватели школы не подтвердили талант дочери, но и не опровергли – здесь она была одна из многих, здесь все были либо подающие надежды, либо гениальные. А с виду это были дети как дети – носились по этажам, охотно общались, а вот их мамы были преисполнены мании величия. Я тушевалась – мы были из провинции, подавляла роскошь интерьеров, важные родители, ученики казались вундеркиндами, преподаватели – небожителями. Ничего не могу сказать плохого о школе, нас прослушали все, к кому мы обращались. Но лишь один из преподавателей честно сказал, что «с улицы здесь не берут». Поступить может только тот, кто будет год заниматься с преподавателем школы, а для этого нужно не только платить немалые деньги преподавателю, но и снимать жилье, на что-то жить, где-то учиться. «Есть у вас такие возможности?» – прямо спросил он. Нет, таких денег у меня не было. Тем не менее все экзамены дочка сдала, лишь на сольфеджио (камень преткновения, с учителем сольфеджио нам в родном городе не повезло) получила недостаточно баллов и потому могла поступить только на платное обучение. Потянуть такую умопомрачительную сумму я не могла.

Но моя девочка уже заразилась Москвой, в нее вселился зуд, когда ну хочется учиться – и все! Хочется жить музыкой, дышать ею, а все остальное – второстепенное. Она встретила здесь таких же одержимых, как она, детей, из такого же теста вылепленных, а это значило – общие интересы, общая тусовка. Да и Москва покорила своим величием, возможностями. Хотя тогда она не была такой, как сейчас, а напоминала огромный грязный базар, где по улицам бродили собаки и бомжи, а под ногами хлюпала грязь. И все равно это был мегаполис с большими, чем в провинции, возможностями, с консерваторией – храмом музыки, желанной, тогда еще такой далекой целью, путеводной звездой.

У нас началась беспокойная жизнь. Дочку приняли в музыкальную школу при консерватории, называемой в народе Мерзляковкой, но здесь не давали общего образования. На экстернат школа в родном городе никак не соглашалась, хотя в Москве это было в порядке вещей. На самом деле ларчик открывался просто – учителя боялись, что девочка не сдаст ЕГЭ в конце года и подпортит престиж школы. Но их опасения не оправдались. Она сдала все положенные экзамены с хорошими оценками, как если бы год посещала школу вместе со всеми.

Дочь с удовольствием училась в школе, получила место в общежитии, природная общительность и открытость помогли ей быстро адаптироваться к отсутствию рядом мамы, отца, брата, зато она приобрела здесь подруг, друзей, единомышленников, а меня в какой-то степени заменила преподавательница – везло моей дочери на наставников. ЕГЭ были сданы, музыкальная школа закончена. Она поступила теперь уже в колледж и проучилась там четыре года.

Это были годы упорного труда. Я редко видела дочь – она приезжала на каникулы, я ездила к ней в Москву, останавливаясь у знакомых. Даже летом в каникулы она не расставалась с инструментом. В нашем городе каждое лето проходил фестиваль классической музыки, куда съезжались такие же одержимые музыкой дети из разных городов и стран, знакомились, репе-

тировали, выступали перед публикой совершенно бесплатно, лишь бы слушали, – сольно, дуэтом, ансамблем, оркестром. Ах, эти музыкальные вечера! Как счастливы были жители моего города, что именно у них проходит фестиваль на Волге, именно к ним съезжается талантливая молодежь – будущее нашей культуры.

Ступенька за ступенькой, дочь поднималась все выше по крутой лестнице на пути к мастерству. Предела совершенству в музыке нет, есть музыкальные произведения, которые покоряются лишь единицам, сколько бы ни учился...

Год, когда дочь поступила в консерваторию, был очень тяжелый. Борьба за возможность учиться в альма-матер музыки велась нешуточная. Нетрудно представить, какой был конкурс, ведь сюда съехались самые талантливые молодые люди со всей России, из самых разных уголков нашей необъятной страны. Как попасть в число счастливиц, которым повезет здесь учиться? Дочь жила в колоссальном напряжении, каждый экзамен – на пределе возможностей, испытание нервов, здоровья, выдержки. К тому же вся ее группа из колледжа очень сильные музыканты, есть ярчайшие, возможно, и будущие лауреаты вершины музыкального Олимпа – конкурса Чайковского. Как показать себя с наилучшей стороны, доказать, что имеешь право кого-то отодвинуть и учиться здесь? Я тоже жила в эти дни в состоянии стресса. Первый экзамен – специальность – был сдан не самым лучшим образом – сказалось волнение, сольфеджио, когда-то камень преткновения, – удачно, русский язык и литература – удачно.

В день, когда случилось это знаменательное событие, к которому дочь так упорно шла многие годы, умер ее папа. Он не дождался одного дня до ее поступления. Но думаю, он знал, что дочь поступит, не сомневался в этом ни минуты – он как никто другой верил в нее.

И снова труд по многу часов, слезы недовольства собой и редко – удовлетворение своей игрой. У нее и здесь прекрасный преподаватель. Он тоже разглядел в моей дочери что-то, что позволило ему выбрать ее из других, не менее, а может, более талантливых молодых людей. Что? Длинные тонкие пальцы, способные извлекать Музыку.

Первый сольный концерт – в библиотеке, в клубе любителей классической музыки. Слушатели – преимущественно люди преклонного возраста. Пришли в выходной день, несмотря на плохую, ветреную погоду, интеллигентные и трогательные. Очень благодарная публика, заранее благодарная. Дочь – худенькая, как тростинка, платье в пол из синего шелка, с открытыми руками, волосы убраны назад, она взволнована, возбуждена. Она волнуется всегда, перед любой публикой.

Девушка склонилась над роялем, прикоснулась к клавишам длинными тонкими пальцами, будто пробуя, будто привыкая, а потом погрузилась в иной, свой, мир – мир чувств, выраженных звуками. Сегодня это были классик Бах, бунтарский, страдающий Бетховен, завораживающий мелодичностью Шуман и парадоксальный, обезоруживающий Прокофьев. Все наизусть. Одна забытая нота – и картинка бы сломалась, фальшь как во время спектакля, но более заметная, потому что нарушилась бы гармония звуков.

Наверное, у каждого слушателя был свой любимый автор, кому-то что-то нравилось больше, что-то – меньше. Но это была Музыка, вызывающая у каждого свои ассоциации, картинки, образы. И эти минуты были прекрасны для каждого из присутствующих здесь. И снова, как в детстве, особая мелодичность звука, гармония, но уже появились сила звука, техничность, мощь – это слышно в Прокофьеве, иначе его не сыграть.

Море аплодисментов, крики «браво». Исполнение на бис не заявленной в программе пьесы – и... концерт окончен. Только тогда я увидела, как измучена моя девочка, что она еле держится на ногах.

Пусть мы не будем знать про кровь, пот и слезы музыканта – пусть эти составляющие искусства останутся за кадром для нас, слушателей, за занавесом. А мы будем видеть только пальцы музыканта – они прикасаются к клавишам, взлетают, обрушиваются, зами-

рают... Длинные тонкие пальцы, извлекающие звуки, способные трогать сердца, высекать огонь из души человеческой, вызывать слезы счастья.

МУЖЧИНА, КОТОРЫЙ НЕ СТАЛ МОИМ ЗЯТЕМ

«Мне уже все равно. Если защищу диплом, хорошо, нет – для меня это не имеет никакого значения. Диана – единственное, что меня связывало с социумом», – это были слова мужчины, который мог бы стать моим зятем, но не стал. Жалела ли я его? Да, ведь его бросила женщина, которую он любил, – моя дочь. Как было бы жаль любого человека, испытывающего муки расставания с той, к кому привык, кому отдал часть себя, с которой сроднился так, что казалось – не оторвать. Я понимала его растерянность: как теперь жить без нее, как? Это все равно, что отрезать часть сердца, поверив, что с половинкой тоже живут.

В том, что Федя любил мою дочь, у меня не было никаких сомнений. Он был с нею в самые трудные моменты ее жизни – когда болела пневмонией, он единственный, кто приходил к ней в больницу каждый день. Когда умер ее отец, бросил все и приехал, поддерживал, как мог. Он терпел ее нелегкий характер – взрывной, импульсивный, неровный. Диана была пианисткой, считала себя особенной и с близкими людьми не церемонилась. Сколько раз я, ее мать, плакала от непонимания, пренебрежения к себе, своим материнским чувствам. А Федя терпел, находил оправдание ее капризам, учил меня приспосабливаться к собственной дочери, понимать ее, не обижаться. Учил прощать, как прощал сам.

И вдруг, после двух лет жизни бок о бок, что называется гражданского брака, она внезапно бросила его – в момент, когда он всерьез задумался о будущем, которое без нее не мыслил. Он уехал в родной город, чтобы защитить диплом, потому что раньше по каким-то причинам не сделал этого, бросив университет на последнем курсе. Чтобы, наконец-то, получить профессию, к которой имел склонность, – психолога. Он делал это для них, для их будущей семьи. А моя дочь уже через месяц ему изменила. Можно сказать, не выдержала испытания разлукой.

Испытывала ли я негодование по поводу ее поведения? Да, я страдала, может быть, не меньше их самих.

Я долго не принимала нового друга Динки, долго сопротивлялась их дружбе – были в Феде черты, которые мне не нравились. Но потом привыкла видеть его всегда рядом с нею. Я рассуждала, что другой может быть хуже. Человек привыкает к животному – собаке, кошке. Что уж тут говорить о живом человеке, у которого есть душа. А душа у Феде была.

Пугало и то, что подобное случилось во второй раз. Запрограммирована, что ли, моя дочь бросать парней, причем хороших? Хорошим девочкам, как известно, часто попадаются плохие ребята, которые выворачивают, ломают судьбу. А моей дочери везло, в нее влюблялись замечательные парни – талантливые, тонкие, глубокие. К первому ее мужчине – Максиму, в отличие от Феде, у меня вообще не было никаких претензий. Он был музыкант, как и она, но на несколько лет старше, а потому мудрее и серьезнее. Кроме красоты, таланта, молодости, у него уже была работа и серьезный подход к жизни. Казалось бы, убедилась, что лучше него не найти, и выходи замуж, куй железо, пока горячо, пока подружки не увели! Но...

Ее девятнадцатое лето стало настоящей трагедией для нашей семьи. Помню, как приехала на концерт, где выступали оба и был аншлаг, а вместо радости дочь вдруг огорошила меня: «Мама, я рассталась с Максом, и это не обсуждается», как пыталась утешить растерянного, ничего не понимающего юношу: «Как мне теперь жить? Кинусь ей на шею и буду просить прощения, если сделал что-то плохое».

А меня саму надо было утешать, помню, как рыдала в автобусе, никак не могла остановить льющиеся водопадом слезы. Пассажиры смотрели с сочувствием, наверное, думали, что у меня кто-то умер. Да, умирала – любовь. Красивая, подаренная Богом для того, чтобы воплотиться в счастливую семью, чтобы родились красивые и талантливые дети. Но этого не случи-

лось. Почему? Я никак не могла понять. За что она бросила Максима? Что в нем могло не нравиться?

С высоты своего возраста, жизненного опыта я видела, что лучше Максима человека не найти – не пьет, не курит, никогда не бросит, не изменит, будет честно зарабатывать своим трудом, талантом. Ну что еще нужно? Ну где она еще найдет такого? Мне в ее годы так не везло, такие не попадались.

Максим нравился моей семье – мужу, сыну, родным. Что нужно было моей дочери, я не могла понять: «Мам, а ты не можешь себе представить, что мне надоел Максим, что я не хочу серьезных отношений, что мне давно нравятся другие мальчики? Мне, в конце концов, только девятнадцать лет».

Тогда меня это ее признание не удовлетворило, не успокоило тем более. Тогда я была всецело на стороне Максима – его горе было мне ближе. Успокаивая юношу, который был на грани суицида, я совсем не думала о том, что дочери тоже нужна поддержка, что ей тоже очень трудно, что она тоже переживает. Ведь она знала цену Максиму, он был ее первой любовью и первым мужчиной. Но она поступила так, как считала нужным. Она всегда будет поступать так, как считает нужным. Такой характер. А тогда, поддерживая Максима, я чуть не потеряла дочь.

И вот теперь то же самое, один в один: два года отношений – и разрыв. Может, я сама была виновата – напридумывала, размечталась, ведь любая мать, у которой есть взрослая дочь, мечтает о хорошем зяте и внуках. Выйдя замуж довольно поздно и родив первенца в тридцать лет, я была убеждена, что для любой девушки нет ничего важнее семьи, хорошего человека рядом. А хорошие на дороге не валяются – быстро подберут.

«Отрезал» – такой статус появился у Максима в «ВКонтакте» как символ новой жизни. Там было фото его отрезанных волос (он собирал в хвост свои длинные и густые волосы – тогда это было модно у художников и музыкантов, это был его стиль, его изюминка, он очень ими дорожил). Но... отрезал и стал другим – симпатичный молодой человек с модной короткой стрижкой, и только в глазах застыла боль, глаза долго не смеялись. Я тогда переживала, словно в свою молодость вернулась, только сердце страдало за двоих. Помню нашу с ним SMS-переписку – это драма в коротких сообщениях: «Так безумно трудно знать, что она за стеной, рядом, но не со мной – это такая пытка» (был фестиваль, они жили в гостинице в соседних номерах). Я опасалась за его жизнь. Он успокаивал: «Не беспокойтесь, я не собираюсь ничего такого делать. Пройдет время – и все будет хорошо».

Его рана заросла. У него были другие девушки, он преуспел в музыке, живет интересной, насыщенной жизнью востребованного музыканта.

А теперь – Федя. Что мне в нем не нравилось? У него не было никакой специальности, не было работы – такой, что дает средства на хлеб насущный, делает человека независимым и прибавляет самоуважения и еще спасает в трудное время от депрессий, рефлексий, самокопания. Ушел в работу – и некогда.

Помню, как однажды проявила простительное для матери, как я считала, любопытство, заглянув в лежащие в открытом доступе документы друга моей дочери – паспорт, трудовую книжку. Он оказался старше, чем выглядел, не закончил вуз – отчислили с последнего курса, не служил в армии и имел лишь одну запись в трудовой книжке: полгода работы лаборантом в том же вузе, из которого отчислили. Это заметно поубавило моей к нему симпатии, ведь я хотела для своей дочери мужчину, твердо стоящего на ногах, способного обеспечить своей семье достойную жизнь.

Федя, как и я, Весы – знак Воздуха. Может быть, поэтому я понимала его на бессознательном уровне, без слов. Я видела, что он одарен музыкально – чувствует музыку, любую фальшь. Он слышал, где Дина ошибалась, над чем надо еще работать, а где получилось особенно удачно. Он много и хаотично читал, разбирался в искусстве – живописи, архитектуре,

музыке. Играл понемножку на пианино, трубе, барабанах. Он мог бы быть музыкантом, искусствоведом, критиком, журналистом. Но, увы, ничему и нигде не учился. Не делал ничего профессионально, во всем оставался дилетантом. Не вина ли это родителей, что вовремя не заметили, не направили, не настаивали, не заставили? Может быть, в детстве скрывались причины его чувствительной, тонкой, ранимой натуры, требующей к себе особого подхода? Его некоторого инфантилизма, неподготовленности к реальной подчас суровой жизни? Родители рано развелись, у отца была любимая дочь в новой семье. Может быть, родителям было не до сына...

Он пытался работать, например, официантом. В одном кафе поссорился с начальницей («Со мной нельзя так обращаться»), в другом – долго обучался, но быстро уволился («Трудно, руки устают от тяжелых подносов, ноги»). Да и не могла я представить Федю в позе заискивающего официанта, пытающегося заслужить чаевые. Слишком гордый. Да я вообще нигде не могла его представить. Разве только психологом. Федя мог долго слушать человека – внимательно, проникновенно. А уже потом, когда человек выговорится, дать ему совет, как поступить, разъяснить, в чем его проблема.

Любила ли Федю моя дочь? Мне казалось, что да. Она считала его талантливым и добрым, защищала от нападок. Суть его поступков, поведения объясняла тем, что Федя «всегда делает то, что любит, а не то, что ждут от него другие»: «Мам, он – философ, понимаешь?» Они не расставались два года. Что же произошло? Федя уехал в Н-к, чтобы закончить институт, защитить диплом. Потом, в июне, к нему должна была приехать Динка. Они собирались провести лето вместе. Это было естественно даже для меня. Но...

Вдруг перестал отвечать телефон дочери, несколько дней я не находила себе места, гадая, что случилось. Ирония судьбы, но друг всегда знал о ней больше, чем я, мать, я позвонила ему в Н-к. От него узнала, что у них с Диной разлад, что она разбила телефон, грохнув его об пол во время бурного выяснения отношений. Я растерянно спрашивала у Феде, почему она такая нервная. Он говорил: да, нервная, потому что запуталась – любит не любит, не знает, что ей делать, как поступить, ей надо разобраться в себе, и она ходит к психологу. А он терпеливо ждет, пока она разберется. Я пыталась найти какое-то более простое объяснение, спрашивала: она что, тебе изменила? Он отвечал: да, но готов простить измену, лишь бы она сделала выбор.

У меня шумело в ушах, я с трудом разбираю его речь – невнятную, голос дрожал, срывался. Конечно, все это давалось ему нелегко. Он говорил, что любит, что будет ждать ее приезда, что без нее для него нет жизни. Я просила, чтобы он держался, не раскисал, что самое важное сейчас – защитить диплом. Он отвечал, что ему все безразлично, Диана – единственное, что его связывает с социумом, ради кого он живет. Но она, Дина, не знает ценности любви.

Я не знала, что мне делать, что говорить, пыталась его утешить, а он утешал меня, советовал, как вести себя с дочерью. Даже сейчас он проявлял заботу о ней, понимание, а ведь она только что кинула его, предала: «Печально, что она себя до такого доводит. Пусть сама разбирается, никто ей не поможет. Сама ходит к психологу, разберется, глядишь. Ее только поддерживать надо совершенно ненавязчиво, не критиковать ни в чем, принимать ее такой, какая есть, питанием помогать, но без давления, лишних слов. Я так понял, ей отчасти нравится свободная от обязательств жизнь, так что остается только ждать, ей не помочь, вмешиваясь».

Мы оба надеялись, что Дина одумается, разберется в себе, ведь еще месяц назад она сообщила мне радостно, что, как только сдаст экзамены, уедет в Н-к к Феде. Однажды для меня снова засияло солнце, когда получила от него эсэмэску: «Мы помирились, Дина собирается ко мне». Но через час – новое сообщение: «Снова изменила Дина мнение. Это конец! И точка».

«Не предавайте любовь! Она редка, и ее не существует» – этот грустный статус в соцсети отражал состояние Феде. Я заходила к нему «ВКонтакте» как в комнату пыток. Делала это осторожно, сначала просто за тем, чтобы узнать, что он жив, потом – чтобы проследить его душевное состояние, надеясь на выздоровление, как после тяжелой болезни.

Федя вел «ВКонтакте» джаз-страничку, у него было много подписчиков и даже поклонниц. Социум, так нелюбимый им, спасал его в трудный час. Как я была благодарна этим молодым людям, не оставившим нечужого мне человека один на один в трудный момент его жизни, вызвавшим на диалог, попытавшимся вытащить его из депрессии, засасывающей как трясина. Тем, кто пытался внушить ему, что он не один такой, что с ними тоже было подобное и они тоже страдали, но потом это прошло, что они рядом и готовы помочь, что жизнь все равно прекрасна и принесет еще немало сюрпризов и радостей.

И я постепенно успокоилась за него, как доктор решив: жить будет!

...Ничто на его странице не напоминает о моей дочери. Нет фото – он их изъясил, так же как она. Теперь ее фотоальбом озаглавлен «Точка невозврата». А у него – «Без». Без Динки. А мне безумно жаль, что не увижу их – молодых, красивых, неразлучных, таких счастливых еще совсем недавно. Не увижу на фото и, похоже, уже никогда и нигде – вместе.

Невозможно привыкнуть к тому, что за любой встречей последует расставание, за началом – конец. Но ведь за концом – новое начало...

ПЕТЕРБУРГ. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Петербург! У скольких людей захватывает дух при упоминании твоего имени, а кто-то больше любит Москву. Два прекрасных города – у каждого свое лицо, свой характер. Москва – это энергия, возможности, амбиции, жесткость, напористость, безжалостность, Питер – это красота на каждом шагу, созерцание, гармония, покой, дружелюбие и доброта жителей. Красота, не уступающая никаким европейским столицам, в сочетании с национальным характером. Здесь больше патриотов своей страны, чем в Москве. Здесь больше любят свой город и своего президента. Здесь больше культуры внутри человека. Здесь не хочется никуда бежать, расталкивая локтями и огрызаясь, а хочется сидеть на лавочке в старом тихом парке, греясь под не самыми жаркими лучами солнца и поглядывая на голубей. Здесь не хочется никуда спешить, хотя нужно так много посмотреть. Сюда хочется приезжать снова и снова. А еще лучше – здесь жить.

Моя любовь в этот город – тогда Ленинград – была с первого взгляда и навсегда. Она случилась давно, еще в школьные годы. Гордость нашего рода – мамин брат, мой дядя, родившийся в тамбовской деревне, сделавший себя сам: мединститут в Ленинграде, служение военным врачом в последние годы войны, работа в отсталой стране с беднейшим населением – Йемене, после войны он стал профессором Военно-медицинской академии – по его учебникам и сейчас учатся студенты. Он был прекрасным врачом и добрейшим человеком, помнил про все дни рождения многочисленных родственников, присылая по почте ящички-посылки, набитые фирменным шоколадом и вафельными тортами, казавшимися тогда необыкновенно вкусными. Моей маме делали операцию лучшие врачи Ленинграда – коллеги дяди Леши. И не только маме. В его квартире постоянно кто-то останавливался – родственники, знакомые, односельчане. Дядя, безумно любивший Ленинград, считал, что посмотреть его имеет право каждый человек и отказать в этом он не может, раз ему так повезло здесь поселиться.

Помню, что, когда я приехала в Ленинград в первый раз, в возрасте старшеклассницы, из солнечной братской республики, я попала как будто в совершенно другой мир, который видела только в кино.

Город оглушил какофонией звуков, многолюдьем, динамичностью, поразил красотой архитектуры. Двоюродный брат Паша встречал нас в аэропорту – голубоглазый блондин, похожий на кумира моей юности Олега Видова. Говорил он как-то по-особенному, по-питерски, чуть растягивая ударные гласные. Он привез нас на Васильевский остров, где дома выстроились в линию, не оставляя между собой прохода-проезда. Родственники жили на шестой линии, в доме-колодеце, то есть часть окон выходила во внутренний узкий, как пенал, дворик – безликий, серый, с мусоркой. С виду дом казался огромным, хотя был всего в четыре этажа, без балконов, серый и мрачный, с крутыми огромными ступеньками, так что добираться до верхнего этажа без лифта стоило усилий даже мне, девчонке. Но моих возрастных родственников это, напротив, даже радовало – мой дядя, проводивший много времени за письменным столом, в научных трудах, очень ценил движение, активный образ жизни, и такой подъем по лестнице считал хорошей зарядкой. Он носил с собой шагомер, привезенный из Японии, и старался ежедневно «нахаживать» норму, необходимую для здорового образа жизни.

Если снаружи дом казался по-достоевски мрачным, то внутри квартира была словно «дворянское гнездо». На входе, повесив верхнюю одежду на вешалку и помыв руки в туалетной комнате рядом, ты поднимался по скрипучей деревянной лестнице как будто на еще один этаж, оказавшись в светлой, с окном на тот самый двор-колодец, прихожей – с диваном для гостей, журнальным столиком, где всегда лежали свежие газеты и популярные журналы. Это было место ожидания – друзья моих братьев коротали время, пока те собирались, студенты дожидались моего дядю, чтобы получить консультацию или позаниматься. Без приглашения

входить в комнаты не разрешалось. Узкий коридорчик, ведущий из прихожей в зал, между ними – крохотная кухонька. Плита, небольшой стол, холодильник, раковина – больше здесь ничего не помещалось, наверное, поэтому мы, гости, всегда обедали в зале. Обед проходил при абсолютной парадности и даже, как мне казалось, чопорности: накрахмаленная белоснежная скатерть, столовые приборы, фарфор, соблюдение этикета за столом. Порции были небольшие, но все красиво: пюре, тающее во рту, сочная сарделька, пестрящий яркими красками салат. И десерт – крепко заваренный чай с кусочком вкуснейшего, тающего во рту, торта. Помню, что я не наедалась, мой растущий организм требовал большего. Выбежав погулять, первым делом мчалась в кондитерскую и покупала теплую булочку.

Небольшой квадратный зал и две комнаты – кабинет дяди, святая святых, и просторная, светлая детская. Все просто, скромно для статуса профессора, никакого шика, богатств, и вместе с тем особенное для меня, аристократичное: пианино из блестящего черного дерева, старинный комод с посудой из хрусталя и фарфора, впрочем, немногочисленной, и огромный – во всю стену – шкаф с книгами. Помню совершенно особенный дух квартиры, сотканный из вечного холода бетонных питерских домов, запаха дерева, книг, шоколада... Запах интеллигентности, достатка и еще чего-то, чему трудно дать объяснение, но это связано с укладом этой семьи, их высокой культурой.

Мои двоюродные братья росли в атмосфере любви к искусству, литературе. Старший брат Саша был очень одаренным – прекрасно рисовал, музицировал, знал языки, ему все легко давалось. Помню, как к нему приходила маленькая интеллигентная старушка с буклями на голове – преподаватель консерватории. Как он играл Шопена! Наверное, с тех пор это мой самый любимый композитор. Саша прекрасно говорил по-английски – учился этому в знаменитом пединституте имени Герцена, стажировался в Англии, жил в Японии. Он работал переводчиком и проводил экскурсии. Я смотрела на него с благоговением – он совсем не боялся иностранцев, которые казались мне инопланетянами. Почему? Они были очень свободны, раскованны, чего во мне тогда не было, у них не было комплексов, как бы сказали сейчас. Девушки в каких-то развевающихся ярких тряпочках казались мне вызывающе сексуальными. А мой брат общался с ними совершенно свободно и ничем не отличался от них – молодой, голубоглазый, улыбчивый, свободный.

Мои дядя, тетушка, братья водили меня по музеям, терпеливо выстаивая в многочасовых очередях за билетами, хотя сами бывали здесь уже по многу раз. Очень хорошо помню поездку в Царское Село – с трепетом входила в Александровский лицей, где учился Пушкин, вот зал, где юный кудрявый отрок держал экзамен перед стариком Державиным, комнатки-кельи, где он со товарищи жил, вот на этой скамеечке в парке он сидел и сочинял стихи, поглядывая на озеро, в котором будто бы топился Кюхельбекер. (Однажды Пушкин сказал другу: «Вильгельм, прочти свои стихи, чтоб я уснул скорее». Обиженный Кюхельбекер побежал топиться в пруду. Его успели спасти. Вскоре в «Лицейском мудреце» нарисовали карикатуру: Кюхельбекер топится, а его длинный нос торчит из пруда.)

Это зерно, посеянное моими родными, проросло во мне любовью к культуре и искусству, я уже не могла без этого жить – без интенсивной внутренней духовной жизни. Но когда возвращалась на родину, попадала в другую реальность, где было мало места духовным исканиям, спорам на кухне о новом романе или премьере фильма. Я уже не могла быть в классе как все и считалась «белой вороной».

Потом приезжала еще и еще. Дядя приобрел дачу в Парголово – дачном кооперативе для людей науки. Помню как сейчас деревянный дом со скрипучей лестницей на второй этаж, где мы поселились, с балкона можно было видеть маленький ухоженный огородик с зеленью, редиской и клубникой, которым тетя Клава очень гордилась, клумбы с цветами. Смешанный лес прямо за забором – как здесь спалось! Купаться ходили далеко, долго шли через густой лес, но усилия вознаграждались – круглое как пяточок озеро в окружении сосновых лесов и пио-

нерских лагерей, песчаный берег. Вода всегда холодная, будоражащая. Восторг! А здесь уже отличался мой младший брат – в плавании не было ему равных, впрочем, как в волейболе и в шашках и шахматах. Гибкий, ловкий, сверкающие бирюзой глаза на загорелом лице – я была тайно влюблена в него, ведь влюблялись же в пушкинские времена в своих кузенов.

Очень любила гулять по Васильевскому в одиночестве. А как же иначе, когда здесь, недалеко от дома моего дядюшки, – Академия художеств, знаменитые сфинксы на ступеньках, спускающихся к Неве. Ах, эти черные воды Невы, художники с мольбертами и блокнотами, рисующие дворцы на другом берегу. Интересно было смотреть, как, штрих за штрихом, прорисовывается на листе карандашный абрис Зимнего или тоненькая фигурка девушки на мосту. Уж не я ли это?

А Литературный музей, так называемый Пушкинский дом? Сколько раз я была здесь одна и бродила по залам – Достоевского, Пушкина, Лермонтова... Боже мой, ведь я видела здесь самого Дмитрия Лихачева! Он был директором музея, а вел себя как скромный, обычный человек – со всеми здоровался, разговаривал мягко, приветливо, даже у меня что-то спросил, типа интересно ли мне здесь. Тогда я еще не представляла себе масштаба его личности, и для меня он был просто интеллигентным человеком, истинным петербуржцем, безумно любящим свой Дом, свое детище.

А потом случилось малодушие. Я изменила своей мечте – побоялась приехать в Ленинград после окончания школы, испугалась, что не поступлю в институт и пропаду, потеряюсь. «Ты слишком домашняя, чтобы бороться за жизнь в большом городе», – говорили мне близкие, и я отступила. Это была самая большая ошибка в моей жизни, повлекшая за собой череду необратимых случайностей, сложившихся в судьбу. Я уехала в провинциальный город, прожив там семь лет, но он так и остался мне чужим. Нельзя изменять своей любви, своей мечте, не надо ничего бояться! Моя подруга, приехавшая из тамбовской деревни, откуда родом были мои предки, не побоялась бросить вызов судьбе. В медицинститут, чтобы стать врачом, как мой дядя, она не поступила, но не испугалась. Работала дворником – зимой колола лед, осенью убирала бесконечную листву, жила в комнатухе на правах лимитчицы. На следующий год рисковать не стала, поступив в другой вуз, где конкурс был поменьше. Встретила там свою половинку, в 90-е они организовали семейный бизнес и сейчас уже являются полноправными петербуржцами, имея абсолютно все для счастливой жизни.

...Тридцать лет я не была здесь. Почему? Завертелось колесо отдельно взятой жизни, то есть моей, попавшей в бурный водоворот событий, повернувших жизнь так, что не было возможности не то что в Петербург, в соседний город съездить. Сначала перестройка и исход русского населения из «братских» республик, тяжелый и небескровный, потеря всего нажитого, родственников, которые устраивались кто где мог, в разных уголках страны, начало жизни с нуля, скитания по чужим углам с маленькими детьми на руках. Потом жизнь так или иначе налаживалась, но были маленькими дети, надо было их растить, воспитывать, вкладывать в них средства, которых никогда не было достаточно.

И вот – дети выросли, жизнь упорядочилась, появилось свободное время и свободные средства. Каким ты стал, город моей мечты, моя первая любовь?

...Прогулка по июльскому Петербургу 2017 года навсегда останется в памяти – слепящим солнечным лучиком, мешающим сделать хорошее фото у «Авроры», бликами на черной зеркальной воде Невы, плескающейся у ступенек напротив Академии художеств, отполированными спинами сфинксов, питерским дождем, собравшим под крышей Исаакия представителей всего земного шара, шумной жизнью Невского проспекта, ослепительным золотом Самсона в Петергофе, рукотворным чудом часов-Павлина, петербуржцами – приветливыми и интеллигентными, способными в трудный час объединиться в одну семью, а в светлый – готовые поделиться своей любовью к городу со всеми, кто приехал сюда с добрым сердцем.

Я люблю тебя, Питер!

СВОДНЫЕ ДЕТИ

Перед тем как бежать на учебу, Лиля по привычке заглянула в «Контакт». Три новых сообщения, а сколько лайков поставили под ее новым фото! Оно было невинно-провокационным – в купальнике на пляже. Лиля позировала подружке, как фотомодель, – спинку прогнула, головку закинула, так что темные волосы рассыпались густой гривой, доставая до талии, черный купальник подчеркивает золотистый загар. Кокетливая улыбка, очки на пол-лица, для гламура.

«Ну-ка, кто оценил мою красоту?» – девушка стала рассматривать фото тех, кто послал ей «сердечко». Таких было много. «Ах вы, развратники, – шутила про себя, – стоит только обнажиться, так сразу слюну пускают. Что-то на старом фото столько лайков не было». Предыдущее фото она назвала «фея лета» – там она в розовом, в цветочек, платьишке на фоне дачной буйной зелени, лучезарная улыбка, поддерживает руками непослушную копну волос. Фотографировал ее отец, своим любящим взглядом он выбирал лучшие ракурсы, ловил самую безмятежную улыбку. Здесь Лиля – весна жизни, утренняя зорька, «гарна дивчина» – по отцу она украинка.

Лиля похожа на отца, она унаследовала его глаза – темно-синие, чуть круглые, нос с легкой горбинкой, волосы – черные, волнистые, пышные. Лиля гордится отцом, у нее самый лучший в мире отец – ничуть не стареющий, хоть и за сорок перевалило, ростом невысокий, но спортивный, без намека на животик и лишний вес, как у его приятелей. Не зря на него заглядывались даже ее подруги-однокурсницы, а теперь и однокурсницы.

Отец ее – юрист, адвокат. Маму Лиля тоже любит, но она всегда в тени мужа – не столь яркая, проигрывает ему во всем. У Лили на странице много фото с отцом – дома, во дворе, на отдыхе, с любимым котом. «Ты моя самая любимая женщина», – любит повторять отец, часто фотографируясь с дочерью. Лиля купается в любви, потому выросла уверенной в себе, в своей красоте, в тыле. В том, что отец всегда ее защитит, от любых невзгод.

Лиля рассматривала, кто поставил ей очередной лайк. В основном это подружки и приятели. А вот этого она не знает – какой-то Никита Макаров. Задержала взгляд на фото – как будто что-то знакомое промелькнуло, как будто знает его или знала. Напрягла память, пытаясь вспомнить, где она могла видеть этого молодого человека. Зашла к нему на страницу. На три года старше Лили, из далекого города, в котором она никогда не была. Нет, она его не знает, тогда почему лицо его кажется ей знакомым?

В институте этот неведомый Никита не выходил из головы: «Может, я в него влюбилась?» «А ведь он похож на меня! – осенило ее. – Мой двойник?»

У Лили не было ни брата, ни сестры. Она была единственный ребенок. Расстраивало ли ее это? Не особо. Конечно, с братом или сестрой было бы веселее – брат бы ходил рядом и защищал, но эту функцию выполнял отец, с сестрой они бы шушукались, менялись платьями, были бы подружками. Зато вся любовь – родителей, двух бабушек и одного деда – доставались ей. Еще был кот – из породы «русская голубая». Смешно: голубой кот. Любимая ее игрушка. Ну и что, что она одна? Выйдет замуж, родит детей – не меньше двух, будут у родителей внуки, будет весело.

Вечером, когда пришла домой, сразу в «Контакт», на страницу Никиты. Да, похож – на нее, а особенно на ее отца. То, что у отца было грубоватым – нос с горбинкой, как у Гришки Мелехова, не зря ее отец родом с Дона, – у нее в женском варианте смягчалось, не бросалось в глаза, а у Никиты проступало отчетливо. Глаза такие же – круглой формы, синие, но не такие распахнутые, как у нее. Невысокий рост, но крепенький, накачанный.

Не выдержав любопытства, лайкнула на его фото и написала: «Привет! А мы с тобой похожи, не находишь? Может, мы брат и сестра?» и прикрепила смайлик – улыбающуюся рожицу.

В «Контакте» знакомятся легко, иногда моментально.

«А мы и есть брат и сестра, – писал незнакомец. – По отцу».

Лилию как кирпичом по голове ударили. Прошло несколько минут, прежде чем к ней вернулась способность думать. Как это? Отец ее – вот он, здесь, в соседней комнате. У него нет и не может быть детей, кроме Лили. Она у него одна.

«Шутник!» – отправила Лиля в эфир смайлик с грозющим пальчиком.

«Почему? Это правда. Но если не хочешь, считай, что шучу. А ты симпатичная!»

«Ты тоже! – Лиля занервничала. – А почему я должна тебе верить?»

«Не должна! Не хочешь – не верь», – и парень вышел из «Контакта», диалоговое окошечко погасло.

– Паап, – потянула Лиля за ужином, улучив момент, когда мама ушла мыть посуду и они остались за столом одни, – а я ведь у тебя одна?

– Не понял... В каком смысле? – Мужчина чуть не поперхнулся.

– Ну, в смысле, у тебя же нет внебрачных детей?

– Что ты такое говоришь? – насторожился он.

– Да нет, папуль, я просто так, – Лиля почему-то не стала рассказывать отцу про Никиту.

– Ты у меня единственная и неповторимая, – Дмитрий подошел к дочери и поцеловал в затылок.

Это было сказано так уверенно, как только мог сказать человек с чистой совестью, и Лиля отбросила всякие сомнения.

– А жаль, – шутливо сказала она, – я бы так хотела иметь брата или сестру.

Вечером она снова вошла в «Контакт». Никита был в Сети.

– Кто ты, брат? Напиши о себе.

– Человек, – Никита был лаконичен.

– Мы правда похожи. Ты что, внебрачный сын? – пыталась за шуткой скрыть тревогу Лиля.

– Выходит, так.

– Но мой отец никогда не жил в твоём городе. Может, ты его с кем-то путаешь? Мало ли похожих друг на друга людей. Я вон с подружкой похожа как две сестры.

– Ну и спроси подружку, не имела ли ее мама дел с твоим отцом в молодые годы.

– А ты злой.

– Да что ты! Я – добряк, каких поискать, душа компании.

Лиля пошарила у него на странице – действительно, море друзей, подружек.

– Горжусь своим братом! – пошутила она.

– Гордись, а то, наверное, одна совсем, на всех фото – с папашей.

– Завидки берут?

– Что? Да мне такого папашу, который своих детей бросает, даром не надо.

– Мой отец тебя бросил? Расскажи, я ведь ничего не знаю.

– А оно тебе надо – знать? Живешь себе в своем уютном мирке и живи.

Что он мог ей рассказать?

...Сын Натальи Никита вырос без отца. Это плохо. Сейчас, если бы ее спросили, стоит ли рожать «для себя», она бы сто раз подумала. А тогда вопрос, быть ребенку или не быть, не стоял: конечно же, быть! Наталья любила его с первых минут, как только почувствовала в себе таинство зарождающейся жизни. Она летала над землей, она была счастлива, хотя жизнь ее складывалась отнюдь не гладко.

А случилась банальная история – ходил мужчина к женщине, долго ходил, спал с нею, проводил досуг. Она думала, что он ее любит, потому что любила сама. Но оказалось, что это не так.

– А ты округлилась, – сказал ей мужчина, курсант МВД, на свидании после трехмесячной разлуки ввиду военных учений.

– Я беременна!

В воздухе повисла тревожная тишина.

– Но я ведь тебе ничего такого не обещал, так ведь? – сурово спросил без пяти минут офицер.

– Да, не обещал, – растерянно ответила женщина.

– А не хочешь ли ты прервать беременность, я тебе помогу, – осторожно вымолвил мужчина.

– Нет, не хочу! – почти выкрикнула она.

Курсант быстро засобирался с обиженным лицом, словно его провели, и ушел, хлопнув дверью. Наталья долго сидела, словно в прострации, осмысливая ситуацию. Она вдруг отчетливо поняла, что это будет только ее ребенок. Диме он не нужен. Она знала, что не будет бегать за ним, не пойдет к начальству, как это сплошь и рядом делали местные девушки, чтобы женить на себе будущего офицера. Она вспомнила, как ждала его из «горячих точек» с верностью жены, как скучала, как ни на кого больше не смотрела, хотя попадались хорошие парни. Поняла, что придется теперь многое вытерпеть – пересуды за спиной, сочувствие на работе, придется освободить общежитие, уехать из этого города в другой, к родителям. Но она знала, что будет очень любить своего ребенка и сделает все, чтобы он был счастливым.

Лишь один раз она наберет телефон Димы, он прилетит как ни в чем не бывало, и они проведут прекрасную ночь, но она будет прощальной: он ни разу не спросит про ребенка.

Потом Наталья уедет в город своего детства, ее родители сами обо всем догадаются, но ни в чем не упрекнут. У нее родится сын. Все это время женщина будет ждать, что Дима приедет, что в нем проснется отец, ведь мальчик так на него похож. Она писала ему письма, отправила фотографию малыша. Он сидел на стульчике у новогодней елки в голубом костюмчике с желтой уточкой на груди, пухленький и розовощекий, смотрел синими, как у отца, радостно распахнутыми в мир глазами, словно говоря: посмотри, какой я славный, какое чудо!

Но в ответ была тишина. Она длилась 14 лет...

Сын Натальи рос. Из хорошенького мальчишки-шалунишки он превратился в угловатого подростка. Комплексов было море – невысокий рост, отсутствие ярко выраженной красоты (обычный, скажем так), небогатые родители. Вроде бы и папа у него был, и сестренка – Наталья вышла замуж, когда ему было два годика. Ан нет, не сложилось. Мальчик рано почувствовал, что папы такими не бывают.

Наталья не могла покупать все, что хотелось ее детям. Как-то у ее мужа пропали из кармана пятьсот рублей. Родители нашли сына сидящим в скверике на скамеечке, рисовавшим на коленках цветными гелевыми ручками – предмет его мечтаний. Когда Наталья спросила, где он взял деньги, сказал, что сто рублей ему дала какая-то тетя. Оставшихся от пятисот рублей денег нигде не было. Он раздал их мальчишкам – боялся, папа узнает, что деньги взял он.

В этот день «папа» выпорол его ремнем. Наталья умоляла мужа не делать этого, но он был непреклонен: считал этот метод мужским воспитанием. Когда удалось вырвать сына из его рук, мальчик бился в истерике от боли и обиды. Вряд ли родные отцы поступают так со своими детьми.

Позже она сама призналась сыну, что его папа – неродной. Она не хотела, чтобы у мальчика сформировалось убеждение, что все папы такие. Может быть, это была ее ошибка?..

«А кто мой папа?» – никогда не забудет она этот вопрос-отчаяние, вопрос-надежду, вопрос-укор. Ну что бедная женщина могла ему сказать? Что папа его бросил еще до рожде-

ния? Психологи говорят, что такие дети растут с комплексом неполноценности, неуверенности в себе. Раз от них оказались – значит они плохие, хуже других.

Сын рос некоммуникабельным, колючим, недоверчивым, учился неважно, а главное – не было желания. Ходил в черных одеждах, слушал мрачную музыку, его мироощущение в тот момент не на шутку пугало мать – разговоры о бессмысленности жизни, нежелании жить.

Но Наталья могла только одно – любить! Она не могла быть строгой, не могла убедить сына не курить, не могла доказать, что в жизни многое зависит и от него самого, что жизнь прекрасна. Как нужен был папа в тот момент, его совет, поддержка.

И она поехала в город своей молодости с надеждой разыскать Диму и попросить его о помощи. Ей не нужно было от него ничего для себя, ничего материального – только отцовская поддержка, пусть на расстоянии, только мужской совет.

Город изменился – коммерциализировался: на каждом шагу кафешки, рестораны, супермаркеты – потерял свое историческое лицо. Кремль и набережная – лишь эта визитная карточка города осталась прежней. Сам город – четыре спальных района, похожие один на другой. От подружки Наталья знала, что у Димы семья, дочка – ровесница Наташиной. От нее же узнала адрес его места работы: Дима достиг определенных успехов в карьере – работал следователем в областном управлении.

Найти его не составило большого труда. Дежурный в будке спросил: «Вы к кому?» Оказалось, что Дима на задании, но должен скоро подъехать. Наталья в сильном волнении прохаживалась по улице, выглядывая, кто подъезжает к управлению.

Его узнала сразу, вышел из бордовых «жигулей». Он стал еще более хорош собой – спортивный, подтянутый, уверенность в движениях, аккуратная стрижка темных жестких волос, тот же исподлобья быстрый взгляд синих глаз, от которого екнуло сердце. Окинул заинтересованным таким знакомым взглядом и стал подниматься по ступенькам.

– Дима, ты меня не узнаешь?

– Нет, – тормознул. – А кто вы?

– Я – Наташа. Мама твоего сына.

Он побледнел, оглянулся вокруг, не видит ли кто, не слышит ли:

– Ты с ним? Где он?

Вряд ли это было желание увидеть и обнять сына. Он просто испугался, что парень выйдет из кустов и даст ему по шее. Дима работал с определенным контингентом и мыслил специфически.

– Не беспокойся. Его нет здесь. Я одна. Проездом, решила навестить.

Он снова оглянулся по сторонам, не видит ли кто-нибудь из коллег. И повел к машине. Они сидели в чистом салоне (машиной он гордился, в те времена она была показателем жизненных успехов) и сбивчиво разговаривали. Наталья волновалась. Ей по-прежнему нравился Дима. Она рассказывала ему о сыне, он слушал с интересом, однажды даже проронил: «Моя порода». Спросил, нет ли его фотографии. Наталья обрадовалась, сказала, что может прислать по почте «до востребования». Он продиктовал ей адрес ближайшего от работы почтового отделения, дал телефон – рабочий и сотовый, записал Наташин. Окрыленная, женщина выскочила из машины. Окинув оценивающим мужским взглядом («А она ничего, годы не испортили»), он тут же забыл, зачем она приезжала, с какой целью.

После долгого лежания на почте вернулись назад фотографии сына, подобранные Натальей с такой любовью: вот ему годик, вот пошел в школу, вот трогательный беззубый мальчик, вот кудрявый смешливый отрок, вот молодой парнишка у компьютера (такая была гордость, когда купили).

Никто не востребовал.

...Прошло еще шесть лет. Сын Натальи закончил техникум. Приобрел несколько рабочих специальностей, ни одного дня не сидел на шее матери – сам на себя зарабатывал. Рабочий

паренек, невысокий, но ладненький, крепкий, вполне себе симпатичный. Природная жизнерадостность взяла верх, исчезли комплексы. Он нравился девчонкам, у него много друзей, он – душа компании. Но... была одна черта, из-за которой Наталья пролила много слез. Он никого не любит в этой жизни. Ни за кого не держится. Никем не дорожит. Иногда Наташе кажется, что он не любит даже ее. Ведь именно ее он считает виновной в том, что у него нет отца.

«Мама, кто мой отец? Ты знаешь, как каждому ребенку нужен папа, пусть даже такой, как у Петьки! (забулдыга и тунеядец. – Авт.)» – этот крик души вырвался у него однажды, после какой-то ссоры с матерью, когда она упрекнула его в черствости, в несправедливом отношении к себе, ведь она так любит своих детей и живет только для них. Наталья и не подозревала, что ее весельчак и балагур сын, у которого много друзей, который никогда не бывает один, так и живет с этой незаживающей раной в душе. Она его не отпускает. И отпустит ли когда-нибудь?

...Однажды Дмитрий залетел к Наталье в соцсеть, как яркая бабочка. И она смогла разглядеть его во всей красе. Процветает. Уже адвокат, своя контора. Дочка очень милая – очарование безмятежной юности, те же синие папины глаза, что и у Никиты. Только взгляд другой – счастливой заласканной барышни. Наталья рассматривала его многочисленное фото – на отдыхе, среди коллег, с дочкой в обнимку, и с горечью думала о том, что могло ведь сложиться совсем по-другому. Разве Диминой дочке было бы хуже оттого, что у нее есть сводный старший брат? И девочки бы дружили. И жена его вряд ли была бы против общения с сыном, ведь это случилось до ее встречи с Димой. Разве дети виноваты?! Как назвать этого холеного преуспевающего «адвоката» – вершителя чужих судеб, носителя справедливости?..

– А как ты про меня узнал?

– Мама показала фото «родителя», чтобы я увидел, что не от святого духа родился. А на его странице и твое фото было. Сразу понял, что ты его дочь, – похожи. Не хотел себя обнаруживать, случайно вышло с этим лайком на фото, извини. Я не думал, что ты мне напишешь.

Лиля не знала, радоваться ей знакомству или нет, лишь поначалу, а потом решила, что иметь такого брата – круто! Отцу она ничего не говорила, да и Никита про него не спрашивал. К тому же она так и не была на сто процентов уверена в том, что эта история – правда, а не вымысел, розыгрыш, хотя к Никите уже привыкла. Он давал ей какое-то приятное чувство защищенности, родственности душ. Иногда она думала, а что было бы, если бы отец признался ей – раньше или даже сейчас, – что да, был грех молодости, остался сын на стороне, у него другой папа, но он, Дмитрий, его помнит, помогает. Разве Лиля была бы против? И мама бы папу не бросила, не осудила, ведь это случилось до встречи с ней. Мало ли какие были обстоятельства.

У Никиты была родная сестра по матери – Аня. Девочки были погодками, с разницей в рождении в месяц: Лиля – майская, Аня – апрельская. Значит, папа женился только через три года после рождения Никиты.

Ей нравилось, что Никита совершенно беззлобный, не питает обиды, во всяком случае никогда не спрашивает об отце, не собирается ему мстить, – живет своей молодой жизнью, работает, строит планы, ни на кого не рассчитывает в жизни – только на себя.

Теперь, после знакомства с Никитой, Лиля взглянула на отца немножко по-другому. Вспомнила вдруг, что не раз видела маму плачущей, что отец никогда не ездит в отпуск с мамой – только один, что покрикивает на нее, что часто приходит пьяный, а иногда вообще не приходит домой ночевать. И вообще, любит ли он маму? Почему же она раньше этого не замечала?

– Никит, а ты хотел бы увидеть... – она запнулась, – отца?

– Нет! – выкрикнул парень. Он помолчал, собираясь с духом, чтобы выплеснуть свою боль. – Лет в тринадцать, когда мама мне призналась, что мой отец не тот, кто меня воспитывал,

а другой, живущий в другом городе, что он неплохой человек, просто так сложилась жизнь, то есть всячески пыталась смягчить тот факт, что отец отказался от меня еще до рождения, она рассказала, что он – следователь, уважаемый человек, и, может быть, когда-нибудь мы встретимся, – я ждал! Я каждый свой день рождения ждал, что он позвонит и скажет: «Поздравляю, сын. Прости, что так вышло. Здоровья тебе и счастья! Я искренне желаю тебе этого». Тогда я бы простил его и даже ни о чем бы не спрашивал. И был бы уже счастлив. Но он не позвонил. Ни разу, хотя мама оставляла ему все наши телефоны. Потом я вырос и возненавидел его. Я мечтал, что увижу его и побью. Не убью, а ударю кулаком в лицо, в глаз и скажу: «Мусор!»

Лиле казалось, что она слышит биение его сердца и свое. Она слышала его боль. И плакала.

– Сейчас я его простил, точнее не думаю о нем ни-ког-да! Я считаю своим отцом того, кто был со мною все эти годы. Отца своей сестры. Да, он пил, обижал маму, меня. Но он меня не предавал! Он относился ко мне так же, как к Аньке, моей сестре, своей дочери. Просто он был такой сам по себе. С ним было плохо всем – такой был характер. Но я считаю ЕГО своим отцом. Сейчас его нет, он умер. А я успокоился. МОЙ папа умер. Но у меня есть мама, сестра, друзья. У меня все есть для счастья! Я спокоен. Мне не нужен твой отец, и я не хочу знать про него ни-че-го!

– Тогда зачем же ты нас нашел? – после недолгого молчания спросила Лиля.

– Я нашел тебя – сестру! Ты-то ни в чем не виновата. Мне было интересно посмотреть на тебя, прикольно знать, что есть еще одна сестра. Было любопытно, какая ты, похожи ли мы.

– Ну и как тебе я?

– Ты хорошая девчонка. Не будь моей сестрой, влюбился бы и женился. Хорошо, что не в папашу. Добрая.

– Никит, я прошу у тебя прощения за отца! Ты знаешь, я была бы счастлива, если бы отец признался, что у него есть сын. Мама моя его простила бы, а я – так всегда мечтала о брате! Но известие свалилось на меня как снежная лавина. Хорошо, что крышу не снесло. Я ничего не скажу отцу, никогда, если ты этого хочешь!

– Да, хочу!

...Однажды бдительный Дмитрий зашел на страницу дочери в «Контакте» и увидел фото Никиты. Он никогда не видел своего сына, но не узнать его было невозможно. На него смотрело его собственное лицо из молодости. Дмитрий долго сидел в прострации и решал, как поступить: взломать страницу и стереть все? Но что это решит? Они найдут друг друга снова. Познакомиться с сыном, покаяться? А зачем? Он не находил в своей душе никакого раскаяния, для него это был чужой ребенок, чужой человек, даже враждебный.

Дмитрий решил сделать вид, что ничего не знает.

...Звенело лето, солнце слепило нещадно, покрывая лица, открытые участки тела золотистым загаром. Москва сияла золотом куполов, манила прохладой зеленых скверов, умыто-стью проспектов, завлекала массой интересного – музеи, выставки, театры.

Сестра Никиты Аня училась в Москве. Сегодня она встречала гостей – брата, приехавшего посмотреть столицу, и его сводную сестру Лилу. Сначала она встретила Никиту, потом на этот же Казанский вокзал должна была приехать Лиля.

Она ехала в последнем вагоне. Выйдя, сразу увидела спешащих Никиту и Аню, они были еще далеко. Подхватив сумку, она побежала к ним навстречу, охваченная радостью, как в детстве, когда возвращалась к родителям после летней разлуки в лагере. Так и сейчас она бежала к родным людям, которых давно не видела и безумно соскучилась.

ИСПОВЕДЬ БЕЗРАБОТНОГО

Родился я в благополучной семье – мать, отец, бабушка, дед. Но родители мною никогда особо не занимались – все больше собой. Мама моя – женщина привлекательная, хорошенькая, постоянно смотрелась в зеркальце, как пушкинская царица: «Я ль на свете всех милее», всю жизнь стремилась побольше купить, иметь – тряпки, мебель, машину. Отец – как все: с работы на диван. Бабушка и дед в прошлом – вазовцы, живут в достатке, так сказать, средний класс. Придешь к ним в детстве – комнаты мебелью забиты, на полу – ковры, а ни одной книжечки нет, игрушки дарили только на день рождения. Меня вроде бы любили – я единственный сын и внук, но никогда не ласкали, никуда не водили – в театр там или даже кино. Я жил в своем мирке – игрался сам с собой в уголке своей квартиры. Рос сам по себе, как трава в огороде у бабушки. Мне не прививали культуру поведения, не рассказывали, что можно, а что нельзя. Однажды бабушка привела меня поиграть к соседскому мальчишке, я без спроса залез в его шкаф, выдвинул ящики стола, все перерыл – и пару игрушек незаметно засунул в карман. Потом это превратилось в привычку. Мама никогда не спрашивала: «Откуда эти игрушки, я ведь тебе таких не покупала». А у меня это переросло в фобию, азартную игру – что-нибудь незаметно стащить: в магазине, в гостях, в киоске.

В школе учился средне, на троечки, ничем себя не проявлял. Внешность у меня так себе – рост от мамы невысокий, нос бабушкин курносый, пятакком. В общем, собой всегда был недоволен, девчонки меня не замечали, ну и я их тоже.

Самая большая радость в жизни случилась, когда мне в 14 лет купили компьютер. Вот он стал моей жизнью. Здесь я был мастер, здесь у меня были друзья и даже подруги, которых я никогда реально не видел, здесь я был ловкий, смелый и умелый – побеждал в играх, поднабрал культурный багаж, пересмотрев множество фильмов. Не нужно было никуда выходить, выезжать – на экране весь мир, пусть виртуальный.

После окончания школы встал вопрос, куда идти учиться. Вуз я не тянул – техникум, и непременно связанный с компьютерными технологиями, с платным обучением, недешевым, надо сказать. Закончил. И что? В городе полно программистов, системщиков, дизайнеров и пр. Куда идти работать, когда кризис и безработица? Сидел дома. Мать, отец на работу, я – за компьютер. Искал ли я работу? Первое время – да. Обращался в компании, даже резюме отсылал. Но везде требовался опыт. Потом надежды стали таять, а я – привык не работать. Бабушка настаивала, чтобы я искал не по специальности. А кем тогда и где? На нашем знаменитом заводе, где делают автомобили? Да это ж превратиться в зомби, работа! Вставать чуть свет. К семи не успеешь, хоть на пять минут опоздаешь – прогул. Стоишь на конвейере весь день на ногах и выполняешь одну и ту же операцию, как автомат. Тупеешь. Домой пришел – поесть и спать. Все! В выходные выходишь на работу, потому что платят мало. Жить на такие деньги нельзя, можно только существовать. А на праздники пьешь, чтобы стало весело, приключений ищешь. Потому что в реальной жизни невесело.

И зачем оно мне надо? А куда еще? Укладывать асфальт, который развалится через месяц, или строить жилье для богатых, как гастарбайтер? В магазин? Пробовал. Мать устроила в «Магнит» на склад, говорила, что для начала неплохо, хотя бы деньги на карманные расходы научишься зарабатывать. Но долго я там не проработал – уличили в краже. Ну как не взять кусок колбасы и не съесть, если хочется, а платить – зачем, если я здесь работаю? Да и есть хотелось очень, мать особо не утруждала себя положить мне бутерброды или дать денег на обед.

Я перестал искать работу. Родители кормят, одежда есть, я не модник, к алкоголю равнодушен, наркотиков не пробовал и не собираюсь, и на что мне деньги? О семье я не помышлял, у меня даже девушки не было – ни разу не влюблялся. Для общения? В социум

не тянуло – окружающие меня люди казались ограниченными, заорганизованными, несвободными – рабами от слова «работа». Не на одной волне, в общем.

Я был у всех как кость в горле – не работаю, сижу на шее, стыдно им за меня. А потом в семье все завертелось нелучшим образом, и от меня отстали.

Мать влюбилась в какого-то мужика и ушла от отца. И что она в нем нашла? Противный, старый, с помятым землистым лицом, с толстой задницей, как баба, и такой же болтливый, базарный. Бывший военный, а теперь торговец, предприниматель. Они сняли квартиру, поначалу к бабушке с дедом все ходили, хотели понравиться – мужик разговорчивый такой, деду было с ним о чем поговорить, а то намолчался с бабушкой за зиму. А потом мамин хахаль стал про моего отца плохо говорить. Какое он имел право и кто он такой? Бабушка моя сразу его невзлюбила, а уж когда он на меня понес, что я такой балбес, не работаю, да зачем меня содержать, тут и дед не выдержал: «Что ж его выгнать, что ли, из дома?» – «Да, именно» – «Так куда же он пойдет?»

Этого бабушка с дедом ему простить не могли, своя рубашка ближе к телу – внук, я то есть, их кровиночка, а этот откуда взялся? С мамой разругались. Мать вообще перестала появляться у них, а у нас и подавно. Отец очень бесился – он мать любил, работал, не изменял ей. За что она его бросила? Ну, денег он мало зарабатывал, так где же заработаешь в нашем городе? Да и чего ей не хватало? Чего отец не купил, все подарили бабушка с дедом – машина у нее была, она сама водила, отца не подпускала, квартира у нас двухкомнатная, мебель современная, евроремонт. Дача хоть и бабушкина, так живи хоть все лето, для нас ведь строили. Шикарная – двухэтажный кирпичный дом, много комнат.

Отец запил. Несколько раз приходил к матери на работу, устраивал скандалы, кричал при всех, что она сына бросила. А мать отвечала, что сын-то уже вырос и пора становиться самостоятельным, работать, заводить семью и пр. Что она свой долг выполнила – вырастила сына, выучила, а теперь ей можно и о себе подумать, своей жизнью заняться, так как она еще молодая. Отец кричал, что сын, мол, не работает. А мать отвечала: ты содержишь, вот и не работает. Перестань кормить – сразу побежит искать работу. Кушать захочет – работу найдет. На жизнь, мол, надо зарабатывать, с неба ничего не падает. А ты его воспитал тунеядцем, на что отец кричал, что ты, мол, вообще сыном не занималась, его воспитанием, только собою, вот и получи, что воспитала.

Но мать так не считала и предпочла просто отстраниться. Отец, хоть и скандалил и пить начал, но в душе добрый, да и куда он меня денет, из дома, что ли, выгонит? Хотя мужик мамкин предлагал нашу квартиру разменять на однокомнатную – матери и комнату в малосемейке – моему отцу и мне.

Я перестал приезжать к бабушке. А зачем? Она снова начнет канючить: «Ну почему же ты не работаешь? Ну как ты будешь жить, если что с отцом случится? У тех, кто не работает, такие пенсии маленькие...» А я, может, и не доживу до пенсии-то, мужчины в нашей стране рано умирают. «Вот посмотри на Артема (сосед), – продолжала бабушка, – все время работает, ни одного дня без работы не сидел. Не нравится – меняет, ищет». Вот еще, будут меня сравнивать с каким-то Артемом. У него родители нищоброды, вот он и упыхивается.

В общем, на какую-нибудь работу я не пойду, а интересной мне – нет. Ехать в Москву, испытывать там лишения, снимать жилье, преодолевать большие расстояния, сутолоку в метро. Ради чего? Ради куска хлеба? Он у меня есть, кормят же. Вот когда будет нужда, тогда и пойду работать.

Так я успокаивал себя первый год, второй, третий... Прошло семь лет.

Как я живу? Ложусь поздно – ночью бывают самые интересные фильмы, передачи. Встаю тоже поздно. Дома никого – отец тихонько уходит на работу. Еда есть – готовит тоже отец. Ем я немного – аппетита особого нет. Каждый живет сам по себе. У отца – телевизор, диван, у меня – компьютер. Я развиваю себя. Реально я вряд ли где-нибудь побываю, но виртуально уже был

и в Париже, и в Мадриде, и в Нью-Йорке. Я неплохо выучил английский, но снова забыл – нет практики общения. Я знаю всех актеров Голливуда, но поделиться впечатлениями мне не с кем. Мои друзья многие уехали, многие уже женились и даже обзавелись детьми. Семью я не хочу, девушки сейчас такие корыстные – им сразу подавай и квартиру, и машину, а у меня ни того ни другого. Детей не хочу. Я не научен никого любить, потому что не особо любили меня. Да и беспокойно сейчас в мире – обречь их на угрозу войны, вирусов, эпидемий, бедность...

Мой мир – пространство моей комнаты. Здесь мне спокойно, уютно, тепло. Здесь меня никто не обидит недобрым словом, не нахамит, не оскорбит, не посмотрит косо. Здесь я не подвachu заразу или вирус.

Вы скажете, ты мог бы найти себе работу фрилансером и работать, не выходя из дома. Но я ведь ничего не умею делать. Вы предложите вступить в какое-нибудь сообщество, например, бездельников, мол, вы друг друга поймете. Но я боюсь любого общения. Боюсь того, что безнадежно отстал от жизни. Боюсь выйти из квартиры: зимой – что замерзну, сломаю ногу и у меня не будет денег на лечение или стану калеккой, летом боюсь обгореть на жаре, да и просто лень выходить, ехать на маршрутке на пляж, там все будут разглядывать мои бледную ненакачанную фигуру. Да и вода будет зеленой, потом чесаться, возвращаться по жаре назад...

Я не езжу на дачу, ведь там нужно помогать деду с бабкой, они пашут на грядках как тракторы, хоть уже и немолодые, а я не хочу: мне претит эта бессмысленность труда. Зачем пахиваться, если можно все купить в магазине – ту же картошку, помидоры. Тупо.

В общем, не работал и не собираюсь. Пока мне и так хорошо. Дома. Дом затягивает, как тряпина. Уж и на улицу выйти страшно. Я для социума выпал. Я оторвался от реальности, разучился действовать и что-то предпринимать в этой жизни. Я перестал уважать себя.

Работать, чтобы жить, или жить, чтобы работать? Я живу, не работая. Только разве это жизнь? Словно похоронен в стенах квартиры. Не будет тебя – и никто не заметит. А был ли мальчик?..

СВЕТ ЗВЕЗДЫ ТВОЕЙ

Корреспондент Лиля

В этот октябрьский день 1993 года Лиле Б. предстояло взять интервью у заезжего гастролера – стремительно набирающего популярность молодого оперного певца. Лилия работала корреспондентом в редакции известной газеты, освещала культурную жизнь города Т., и предстоящая встреча с артистом радостно волновала – прибавится в ее копилке талантливых людей еще одна звездочка.

Лилия любила людей искусства, и открытие нового таланта для читателей родной газеты было делом ее жизни. Искусство возвышает, пробуждает в человеке все лучшее, в отличие от политики, – это было ее убеждение. Она даже придумала себе творческое кредо: «С каждой новой звездой жизнь становится ярче».

Испытывая приятное волнение от встречи с артистом и красивым мужчиной, предвкушая радость от концерта, Лилия вертелась перед зеркалом. Она никогда не забывала о том, что она женщина, и желание нравиться было естественным проявлением ее женской сущности. Вот и сейчас – туфли на каблучке, чулки телесного цвета, облегающие стройные ножки, узкая юбка до колена, светлая блузка, яркая косынка на шее. Лилия любила носить косынки, завязывая их каждый раз по-новому. Это был ее стиль, изюминка. Сняла бигуди, отчего рыжеватые волосы рассыпались крупной волной по плечам, напудрила носик, прошла помадой по губам – тон чуть ярче, чем обычно. Капля любимых духов за уши. Накинула легкое пальто – октябрь все-таки – и выскочила из дома.

Что она знала о певце? Родился в Сибири, родители не музыканты, но воспитывали сына в любви к музыке. Рос, как все мальчишки, озорным, учился в музыкальной школе, хорошо пел, в старших классах увлекся рок-музыкой, к неудовольствию родителей. Поступил в училище на хоровое отделение, потом в институт искусств, где его дар отшлифовала талантливый педагог, взрастившая много звезд оперного искусства. Был солистом городского оперного театра, в свои тридцать с небольшим лауреат нескольких всероссийских и международных конкурсов. Ну и, судя по фото и телепередачам, красавец редкий – рост почти два метра, строен и хорош лицом.

Пока ехала в троллейбусе, подбирала цитаты к будущей статье, лезло в голову: «В человеке должно быть все прекрасно – и лицо, и голос, и душа, и мысли». Какие у звезды душа и мысли – предстояло узнать.

«Твоя безмерна власть, музыка!»

Концертный зал Дворца культуры был полон людьми самого разного возраста и сословия – бомонд пришел на модного певца, люди преклонного возраста хотели послушать песни военных лет, учащиеся музыкальных учреждений – поучиться мастерству вокала, так сказать, получить мастер-класс, любопытные пришли на новое имя.

Очень много было дам с букетами цветов – немудрено, когда на сцене такой красавец. Лиля тоже купила три белые розы – именно их ей казалось уместным дарить мужчине.

Отметила как плюс то, что концерт начался в строго положенное время, а ведь бывали нередко опоздания, ожидание звезды по полчаса и больше.

На сцену вбежал певец – высокий, стройный, замечательно красивый. Гордая посадка головы, откинутае назад темные волосы, черный сюртук, белоснежная рубашка с бабочкой. Развел руки в приветствии, улыбнулся залу такой улыбкой, словно взошло солнце.

У певца был голос невероятной красоты. «Мужественный баритон», «бархатный баритон», – подбирала Лиля определения, словно уже писала статью, но ни одно не могло передать ее ощущений. Нигде, ни в одной песне, арии, романсе не заметила Лиля ни одной фальшивой ноты. Все – высочайшего совершенства, в чем она усмотрела огромное уважение к провинциальному зрителю, не очень подготовленному к восприятию серьезной музыки. Артист пел так, что все было понятно, даже арии из опер. Романсы – Лиля как будто попала в эпоху галантных мужчин и пылких женщин. Советские песни, поднадоевшие из-за частого исполнения другими певцами, звучали свежо и по-новому. «Русское поле» – сколько раз Лиля слышала эту песню в исполнении самых замечательных певцов, но именно сейчас она не могла сдержать слез – восторга, любви к этому русскому полю в васильках и разнотравье, коих было полно в окрестностях города. Песни военных лет исполнил просто и проникновенно. Дамы в зале украдкой вытирали слезы.

Певец уже несколько раз выходил на бис, пел снова и снова. И вот... широкий жест руками, словно благодарил публику, прощальный поклон и улыбка, как будто взошло солнце. Шквал аплодисментов. Цветы певцу и сердца в придачу.

Лиля вышла из зала взволнованная и покоренная навсегда. В ушах еще звучал мощный, пробирающий до мурашек, голос.

«Орфей, Аполлон, прекрасный Эльф», – снова искала она подходящие определения. Такое сочетание красоты, таланта и расположенности к людям молодая журналистка встретила, пожалуй, впервые в своей жизни.

Фойе кипело как пчелиный улей, шло бурное обсуждение концерта, у дам были раскрасневшиеся лица, горящие глаза. «Город Т. покорен», – резюмировала Лиля. Глас народа не помешает, и она, представившись корреспондентом известной в городе газеты, опросила несколько человек. И слышала только восторги: «роскошный голос», «прекрасный тембр», «красавчик с сексуальным голосом», «элегантная и страстная манера исполнения», «божественно прекрасен».

Эти глаза напротив

Гримерка певца была завалена цветами. Она вручила ему три белых розы. Вскочил порывисто, лицо осветила знакомая улыбка, карие глаза сверкнули.

Вблизи он оказался еще красивее – лицо открытое, загорелое, волосы русые с прядками ранней седины, придающими облику еще большую мужественность, частая улыбка, не потому, что зубы красивые (это тоже, конечно), а от внутренней радости жизни. Теплый, мужественный тембр голоса. Лиля терялась от его цепкого взгляда, будоражащей сексуальности и потому беспрерывно улыбалась от смущения. Певец заметил, что у нее красивые глаза – «лукавые, как у чертенка», отчего она еще больше смутилась.

Они сидели напротив – певец, довольный собой, прошедшим концертом, благодарной публикой, и Лиля – на краешке большого кресла, выпрямила спинку, в струночку вытянулась, включила в себе корреспондента – блокнотик на коленках, диктофон на столе.

– Вас с восторгом принимала публика нашего города. Так вас принимают, наверное, везде, где вы выступаете. Вы чувствуете себя звездой?

– О да, конечно! – и он расхохотался так заразительно, что Лиля невольно тоже засмеялась. Ей вдруг стало легко, сердце перестало трепыхаться, как у пойманного воробышка. – На своем первом международном конкурсе я был решительно настроен на победу. Волновался до дрожи в коленках, но старательно скрывал страх, отчего казался окружающим высокомерным и заносчивым. Тогда я победил, потом еще и еще. Расслабился, поверил, что все умею и знаю. А на другом конкурсе посыпались замечания, критика. Они подействовали на меня как холодный душ. Но тогда я пересмотрел свое отношение к музыке и зрителю. Стал работать еще больше.

– Опера – жанр в какой-то степени элитарный, для подготовленного слушателя. Для кого вы поете оперу?

– Помню один из первых своих концертов на хлебзаводе. Пришли бабушки и дедушки, они ничего не знали ни обо мне, ни об опере, ни о Верди. Они любили Кобзона и Лещенко. Но полились первые звуки из расстроенного рояля, зазвучала музыка. Настоящая, живая, бессмертная. И случилось чудо! С тех пор я знаю: зритель всегда прав. Если что-то идет не так, виноват тот, кто стоит на сцене.

– Что для вас слава?

– Возможность быть свободным.

– Что сегодня важнее для оперного певца – талант, трудолюбие или раскрутка?

– Талант, помноженный на трудолюбие. Сегодня в опере нужно иметь и голос, и внешность, и актерские способности, и физические данные.

Певец рассказывал о планах покорить мир. В нем присутствовало здоровое честолюбие – он знал цену своему дару и силе воздействия на людей. Но работал как вол.

– У меня нет выходных, отпусков. Пение это и есть мой отдых.

На вопрос о личной жизни чуть погрузнел. Он был женат, но там было не все гладко.

Вот ведь часто бывает, что звезде и сказать-то нечего, вымучивает что-то из себя, пыжится. И оказывается, что «король-то голый». А в этом человеке, кроме очевидного таланта и внешней красоты, присутствовало глубокое содержание. Интересно, откуда оно? Музыка воспитывает чувства, развивает душу – это безусловно. Но ведь и другие певцы поют, и голос-то у них есть, и поклонники находятся, а внутри – пустота. Воспитание?

– Я был трудным ребенком – своевольным и упрямым. Во мне постоянно бушевал дух протеста. К невероятному ужасу родителей, в юности пару лет играл в рок-команде. А еще грозился удрать из дома, чтобы строить БАМ. И только музыка, которую я любил с самого детства, помогла меня усмирить.

С ним было очень интересно беседовать не только о музыке, творчестве, но и просто о жизни. Лиля обнаружила в нем начитанность, что очень ценила в людях. Актеры – да, они вынуждены читать книги, сценарии, а вот встретить читающего певца – редкость. К тому же прекрасный русский язык, отсутствие так часто встречающегося, особенно у поп-звезд, косноязычия и пошлости. И еще одну черту отметила она, редкую для звезды, – самокритичность, иронию по отношению к себе.

У Лили иссякли заготовки, но не интерес. Расставаться не хотелось – этот человек притягивал к себе, как магнит.

Певцу была приятна влюбленность этой хорошенькой журналистки. Он знал, что женщины его обожают, боготворят, даже преследуют. А своя собственная – не ценит, не видит его таланта, для нее он лишь источник благосостояния, не больше.

Они выходили вместе – певец и журналистка, а со стороны просто красивая пара – высокий стройный мужчина и рыжеволосая миниатюрная женщина.

Жена

Он встретил любовь за кулисами своего театра. Она – танцовщица кордебалета. Его, сильного и спортивного, умиляла ее хрупкость. Хотелось все время носить на руках и защищать от невзгод. Она была разведена и с ребенком, жила в одной квартире с бывшим мужем, потому что уйти было некуда. Нуждалась в деньгах и поддержке.

Но никто из его окружения этот союз не одобрял. Его «вторая мама» – преподаватель вокала – сказала: «Если ты на ней женишься, то забудешь, как открывается дверь в мой класс!» – «Почему?» – Да потому что ко мне приходили дирижеры и рассказывали: «Она такая-растакая, со всеми спит!» Он выбежал из класса, психанул. А потом женился назло всем. Влюбился. Хотя видел, что за ним очередь из девушек стояла. Как пройдет по фойе – красавчик, спортивный, галантный – как тут устоять! Да и нравились ему брюнетки, а вот женился на блондинке. Для него не существовало других женщин, кроме Лёльки, – на руках ее носил, букетами задаривал. До нее дружил со своей концертмейстершей – жгучая брюнетка, евреечка – она боготворила его. Она как раз собиралась эмигрировать в Америку, там у нее были связи в музыкальном мире. Помнит, как преподавательница заикнулась: «Да с ее связями и способностями ты будешь петь в лучших театрах мира!» – «А я и так буду петь в лучших театрах мира!»

Так и случилось – он сам пробивал себе дорогу на Олимп. Женился на Лёлке, удочерил ее дочку. Хотелось стать им опорой, построить дворец для своих девчонок. И он работал, упорно шел к своей цели – стать известным, стать лучше всех. Для них!

Всего лишь через месяц после свадьбы приехал с гастролей с кучей подарков. Он так соскучился по жене, было раннее утро воскресного дня, замок заедал, он нервничал, потом бросил вещи в коридоре, ворвался в спальню и... застал интимную сцену, в которой главные роли исполняли любимая и лучший друг, танцор балетной труппы.

Что произошло потом, помнит смутно. Бил – сначала его, пинал ногами, тот убежал, потом ее. Надо было бы остановиться, женщина все-таки, но не мог. Не помнил себя от обиды. Кто-то ворвался в комнату, заломил руки, плеснул в лицо водой. Когда опомнился, женщина лежала на полу, закрыв лицо руками, и тихо стонала, потому что не могла подняться.

Оказалось, что после того случая она никогда не сможет иметь детей.

Наверное, с тех пор он чувствовал к этой женщине уже не любовь (разве можно любить человека, предавшего тебя?), а лишь чувство вины и долга.

Солнечный удар

Они шли через знакомый Лиле скверик, где раскидистые клены бросали очередную порцию золотой листвы на скамейки и под ноги прохожих. Певцу было хорошо идти рядом с этой милой женщиной, трогательной в своей влюбленности, смущавшейся. Маленькая и хрупкая, она доставала ему до груди. Он искоса посмотрел на нее, она перехватила его взгляд, смутилась, покраснела. Поддавшись порыву нежности, он схватил ее на руки и стал кружить, как ребенка. Потом опустил на землю, притянул к себе и длинно поцеловал. У Лили закружилась голова, она пошатнулась. Он, смахнув со скамейки нападавшие листья, посадил ее к себе на колени, и они снова целовались, отчего душа Лили будто взмывала ввысь, в небеса, и опускалась на землю, как на качелях – вверх, вниз...

Потом они сидели в ресторане гостиницы, пили вино, ели блюда из мяса и салаты. Он рассказал ей про жену, выговорился, она чувствовала его боль, жалела и удивлялась про себя: «Да как же такое возможно?! Знает ли эта женщина, как ей повезло? Что она вытащила счастливый билет? Ведь не выбери он ее в жены, она так и была бы всю жизнь матерью-одиночкой, перебивающейся подачками приходящих мужчин». Ах, если бы на ее месте была она, Лиля...

Танцевали медленный танец, было неудобно – разница в росте. Она слышала биение его сердца. Он напевал в ухо: «Я хотел быть твоею музыкой – паданьем твоим и высями...» Подумала: почему паданьем, а не падением, но как это мило, как по-его...

Когда Лиля проснулась утром в его номере, вспомнила все, ее охватил ужас. Муж, дочка. Что они подумают? Тихонько собралась. Посмотрела на спящего мужчину, ставшего вдруг близким, родным, прекрасного, как Аполлон. Он улыбался во сне. «Баловень судьбы», – подумала Лиля, окинув его прощальным взглядом, и тихо вышла из номера.

Без него

Она ехала в утреннем троллейбусе, стылom, тасчившемся еле-еле, куталась в тоненькое пальтишко, пыталась подремать. Но воспоминания о событиях минувшей ночи будоражили, тело еще не остыло от горячих прикосновений, щеки вспыхивали румянцем, губы припухли от поцелуев: «Как хорошо, что меня сейчас никто не видит».

Дома все обошлось. Муж, сонный, вышел на звук открывающей двери, спросил: «Все нормально?» Дочка сладко спала в своей кровати, потянулась, открыла глазки: «Мамочка».

В этот же день певец улетел. «Пусть наша встреча останется тайной двоих, приятным воспоминанием, солнечным ударом, как у Бунина», – решила Лиля. Через несколько дней она выдала родной газете интервью с певцом под заголовком «Искусство должно потрясать» и подзаголовком: «Яркий представитель совершенно нового типа оперного артиста: интеллектуал, философ, романтик и секс-символ».

Был шквал звонков – читатели благодарили за статью, коллеги говорили, что это лучшее из написанного Лилей, что там есть чувство, эмоции. Впрочем, особо не удивлялись, ведь и певец необыкновенный, и интерес к нему особенный. Они были уверены, что написали бы не хуже, когда такой «герой с обложки».

Наваждение

Внутренний конфликт... он развивался не сразу. Лиля жила обычной жизнью – семья, работа, командировки, интервью. Но теперь все «звезды» казались мелкими и бесталанными в сравнении с Ним. Кое-кто пытался за ней приударить и в номер бы заташил с радостью, но зачем? То, что случилось с певцом, случилось спонтанно и красиво, а здесь – пошло.

Лиля вдруг поняла, что не любит мужа. Стала замечать в нем то, чего раньше не видела или к чему относилась снисходительно, – лишний вес, пивной животик, неизобретательность в постели, игнорирование дезодорантов со всеми вытекающими последствиями, привычка курить... Обычный. Самым большим желанием стало для нее отправить мужа и дочь на дачу, а самой, сославшись на занятость, остаться дома, включить пластинку и слушать голос любимого певца, уплывать в воспоминания...

Забыть – оказалось самое мучительное. Она вела бесконечный диалог сама с собой: «Ее чувство – это любовь женщины к мужчине или восхищение совершенством, божественной красотой и талантом?» – «А какая разница! Я люблю его, и с этим уже ничего не поделаешь». – «Но ведь он никогда не будет принадлежать тебе. Возможно, ты уже никогда его не увидишь, ведь таких, как ты, много, а он – один. И обладать им – совершенством – невозможно. Или нужно быть неменьшим совершенством». Но ведь жена его, если верить его словам, самая обычная женщина, а он ее любил. Значит, и Лилю мог бы.

Та ночь – что она для него значила? Не была ли их встреча простой интрижкой для него, развлечением, случавшимся в каждом городе? Но сама себе отвечала, что этого не может быть. Что он особенный, не похожий на большинство артистов, гуляющих направо и налево. «А помнит ли он меня, вспоминает ли хоть иногда?» Сердце говорило, что помнит. Тогда почему не приезжает? Ведь мог бы приехать хотя бы на гастроли.

Но прошло уже несколько лет, а он не приезжал. Из газет, новостей она узнавала о его новых победах на конкурсах, приглашениях в лучшие театры мира, потом певец поселился в Лондоне, купив там дом для себя и своей семьи, которую перевез из России, о рождении у него детей-близнецов. «Как же так, он же говорил, что его жена не может иметь детей? А может, он мне просто-напросто врал, чтобы получить желаемое?»

Лиля не знала тогда, что, мучимый виной к жене, певец «купит» ей детей, сделав «подсадку», как сейчас говорят – ЭКО.

Жить по-прежнему не получалось.

Коллеги не могли понять, что происходит с Лилей – изменился ее жизнелюбивый характер, она все чаще погружалась в себя, стала молчаливой, рассеянной. Но стоило кому-то завести разговор о певце, как женщина мгновенно оживлялась, в который раз рассказывая, какой он редкостный певец и человек. Слухи о влюбленности журналистки циркулировали по редакции давно, приплели даже, что они периодически встречаются. Интересно, каким образом?..

Анализируя свое чувство к певцу, Лиля пыталась понять, что с нею происходит. Почему та ночь не забывается, превратившись, как она хотела, в приятное воспоминание, солнечный удар, который давно прошел, а становится наваждением, отнимающим у нее силы, любовь, которую она должна дарить своему ребенку и мужу, ведь он страдает...

Однажды очень деликатный муж Лили спросил в упор: «Что с тобой происходит? Ты совсем охладела ко мне. Может, у тебя другой?»

«Да, я люблю другого», – как удар хлыстом. «Кого?» – «Неважно, тебе не стоит бояться. Он далеко».

Но муж не поверил: «Лиля, возьми себя в руки. Ты теряешь семью, забросила дочь. Я не могу видеть, как ты мучаешься. Ради твоего блага готов дать тебе развод. Только все обдумай, взвесь, что ты потеряешь, что приобретешь».

Ей было все равно. Развод так развод, может, и к лучшему, не нужно притворяться. «Я больна любовью – неосуществимой, ненормальной, ведущей в тупик. Тоска», – писала она в дневнике.

Но тоска ее уже зашла слишком далеко и приобрела угрожающие черты болезни физической, страшной.

Болезнь

Лиля уже давно чувствовала себя неважно, боли внизу живота заставляли ее постоянно прислушиваться к себе, она стала рассеянной. Задав собеседнику вопрос, внезапно уходила в себя, бледнела, на лице появлялось выражение, словно она проглотила ежа, потом, пересилив приступ боли, снова становилась приветлива и внимательна.

Приступы стали возникать все чаще, и Лиля пошла к врачу. Может, застудилась, думала она, где-то переохладилась после длительной особенно холодной зимы 2003-го.

Помнит, как в тумане, лицо врача, которой так трудно было произнести: «Мужайся, подруга, у тебя рак. Но мы будем бороться, будем лечиться, ты обязательно поправишься!» Лиля не стала спрашивать, какая стадия и сколько ей осталось жить.

Она шла по улице, кутаясь в шарф, мартовское солнце слепило, но не грело, а ветер продувал насквозь, и думала о том, что вот этот март, возможно, последний в ее жизни. «За что? Почему я? – думала она горько. – Ведь мне только 42 года».

Лиля вела дневник, в последнее время ей было не с кем поделиться, и только ему она могла доверить сокровенные мысли, тревоги, размышления. Что послужило причиной болезни – тоска, обида, потеря интереса к жизни, глубокая рана, разочарование? Как вышло, что любовь к певцу могла бы стать лучом света, счастливым воспоминанием, согревающим в трудные минуты, а стало наваждением? Не она ли говорила сама себе: «Нет мне жизни без него». А организм думал: зачем сопротивляться? Пусть уж лучше закончатся эти мучения, чем такой жизнью жить, без него...

Неужели прошло уже десять лет с момента их последней и единственной встречи? Все эти годы она следила за его жизнью. Он взлетел очень высоко – весь мир лежал у его ног. Все слова о нем – в превосходной степени: «он разбивает сердца», «его голос опьяняет роскошью», «самый красивый баритон в мире», «страстный посол оперы», «единственный и неповторимый». Она была рада за него – он заслужил все это своим божественным даром. Свет его звезды ярок и согревает всех. А для нее этот свет оказался слишком ярким, ослепил, сжег дотла.

А может, ее болезнь вовсе не следствие неразделенной любви, а напротив, именно болезнь вызвала тоску и пессимизм?..

...На похоронах Лилии Б. было много народу. Это была осязаемая потеря для города Т., для журналистики. Ощущение несправедливости, непонимания, за что и почему ушла из жизни эта молодая красивая женщина, было в сердце каждого пришедшего на панихиду.

Лиля уже не узнает, что ее кумир уйдет из жизни через 14 лет после ее смерти, в расцвете своих сил, обожаемый публикой всего мира. Он обратится к врачу по поводу недомогания, обмороков, неустойчивости, и диагноз прозвучит как гром среди ясного неба, как приговор. Сначала будут мучительные вопросы: за что, почему он, потом придет решение бороться до победы или конца. Два года он будет работать, выступать. Рядом с ним будут его семья, его друзья, поклонники. Но все-таки он уйдет. Сам он хотел, чтобы люди помнили только его голос, а не сплетни о нем. Ведь смыслом его жизни была Музыка.

В БОЛЬНИЦЕ

«Чтобы лечиться, надо иметь железные нервы и крепкое здоровье» (афоризм)

Алла Сергеевна попала в больницу в женское отделение. Возрастные проблемки или большие проблемы – должно было показать обследование.

А началось все с того, что, напуганная рассказами знакомых о внезапно обнаруженных во время диспансеризации болезнях, подчас неизлечимых, она, не любившая врачей, не проглотившая ни одной таблетки кроме как от температуры, побежала в поликлинику.

На осмотре у гинеколога той что-то не понравилось, но что – на глазок не определишь, нужны специальные исследования. Врач написала направление на консультацию в больницу к узкому специалисту.

Встревоженная женщина побежала делать УЗИ, на всякий случай два. Врач из поликлиники долго водила палочкой внутри Аллы Сергеевны, вглядываясь в изображение на экране и одновременно разговаривая с кем-то по телефону, в итоге подтвердила диагноз, поставленный при осмотре. Вторая – платная – была явно в растерянности: что-то вроде есть, какое-то там пятнышко, «вот посмотрите». Алла Сергеевна привстала, посмотрела на экран: на сером фоне словно лучик света пробивается. Врач заглянула в диагноз и, на всякий случай, тоже его подтвердила.

Больница находилась в другом районе города, на дорогу ушло больше часа. Отстояв длинную очередь в регистратуре, заполнив кучу бумажек, получила вожделенный талончик. Три часа до приема промаялась на скамеечке в больничном коридоре.

Врач – доцент – внимательно осмотрел Аллу и настоятельно порекомендовал ей сделать диагностическую операцию – по его словам, несложную и безболезненную, под наркозом, тем более необходимую ввиду ее возраста. Он дал ей длинный список анализов, которые нужно было собрать в поликлинике по месту жительства, и назначил предварительную дату госпитализации.

Алла Сергеевна была полна решимости поскорее лечь в больницу, чтобы ликвидировать опасность, пока еще невеликую, но если этого не сделать сейчас, она, эта проблема, может обернуться всяким.

Времени на сбор анализов медицинский светила дал ей две недели.

Участковый гинеколог – энергичная дама лет 40 – опоздала на 15 минут, а значит, время приема сместилось. Плюс прием первой пациентки как-то затянулся. Когда Алла Сергеевна приготовилась, наконец, зайти, докторша вылетела пулей и закрыла дверь кабинета на ключ прямо перед ее носом. Кто-то из сидящих в очереди женщин сказал: «Да она всегда бросает больных и бежит по административным делам». Оказалось, что гинеколог еще и заведующая этой районной поликлиники.

Врач пришла, когда Алла Сергеевна услышала протяжный гудок своей электрички, а очередь обросла женщинами, в талонах которых стояло время после девяти.

– На сколько у вас талон?

– На 8.12.

Как будто так и надо, словно сейчас уже и не 9 с чем-то.

– Что вы хотели?

Врач не помнила ни ее, ни то, что именно она выписывала направление на консультацию к специалисту, на заключение которого даже не взглянула.

– Мне нужны направления на анализы.

– Приходите завтра.

– Завтра?! Да вы что? Я отсидела здесь больше часа, опоздала на работу и опять завтра?!
– Вы видите, сколько народу сидит в коридоре? – как ни в чем не бывало вопрошала гинеколог-заведующая, словно не она была виновницей этой очереди.

– Правильно, вы же бегали где-то, вместо того чтобы принимать больных в порядке очереди.

– Я совмещаю функции врача и заведующей.

– А разве можно совмещать прием больных с административной работой? Если вы не успеваете, то почему бы вам, как заведующей, пекущейся о благе жителей, не взять врача, который будет заниматься больными, а вы – процветанием своей поликлиники? – обычно выдержанная Алла Сергеевна закипела как нагретый чайник.

Зато врач была невозмутима.

– Вы видите, что нет медсестры? Я буду сейчас вам час их выписывать!

– А почему нет медсестры?

– Она на учебе.

– А почему вы отпускаете ее во время работы, когда она нужна? Почему в вашей поликлинике постоянно нет врачей? – Алла Сергеевна всегда поступала правильно, никого не подводила, и подобные беспорядки выводили ее из равновесия.

– Не нервничайте! Нервные клетки не восстанавливаются!

– Да как с вами не нервничать?! – шея Аллы Сергеевны покрылась пятнами. – У вас, значит, работа – врачебная и административная – и я должна входить в ваше положение. А почему вы не войдете в мое?! Почему я из-за вас опоздала на работу и все равно уйду ни с чем?

Но эту врачу ни чем не прошибешь – ни жалостью, ни угрозами. Кому тут жаловаться, если она сама заведующая?

Тут ей позвонили, и Алла Сергеевна вынуждена была еще пять минут ждать, пока врач разговаривала.

– Да, Анна Павловна, я вас понимаю. Я бы на вашем месте тоже уволилась.

Вот это да! Заведующая тут и не держит никого.

– Педиатр не хочет работать, а что – одна на весь район, объем работы сумасшедший, – объясняла она Алле Сергеевне, словно найдя в ней сочувствующую. – Вы знаете, какая это нервная работа? Какие капризные больные, сами не знают, чего хотят.

И она стала рассказывать, как вот вчера педиатр приехала по вызову в частный сектор, то бишь в коттедж, но ей никто не открыл, и она уехала ни с чем. А на следующий день на нее написали жалобу.

Алла Сергеевна была совсем в растерянности. Во-первых, за богатых людей она не отвечает, их не так много на фоне тех, кто сам приходит и только по крайней необходимости. А вообще, врач могла уже половину анализов выписать, если бы не отвлекалась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.